

ТАТЬЯНА МИХАЛЬ

ТРЕБУЮТСЯ
РОДИТЕЛИ
ИСТОРИЯ ПОПАДАНКИ

Татьяна Михаль

**Требуются родители.
История попаданки**

«Татьяна Михаль»

2019

Михаль Т.

Требуются родители. История попаданки / Т. Михаль — «Татьяна Михаль», 2019

Меня зовут Аврора. И я познала боль потери своего ребёнка. Я хотела только одного – уйти вслед за ним, чтобы снова обнять своего малыша и прижать к груди. Однажды, один сумасшедший сказал, что мой сын родился в другом мире и ему отчаянно нужны родители, ему нужна я. Мне предоставили выбор: остаться здесь или уйти к своему сыну. Ответ очевиден.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	28
Глава 7	33
Глава 8	37
Глава 9	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Татьяна Михаль
Требуются родители. История попаданки
Татьяна Михаль

* * *

Глава 1

*Тельце тёплое держала на руках
В глазки ясные смотрела
И не верила, не верила...
Мой сынок, не уходи...
Но лишь рыдания вырвались из моей груди...*

© *Татьяна Михаль*

* * *

Аврора

– Повтори, – сказала бармену пустым голосом, который и сама не узнала.

Я смотрела отсутствующим взглядом на обстановку вокруг меня и ничего не видела. Ничего пятницы был полон молодыми и счастливыми людьми; молодые парочки дёргались на танцполе, а модный диджей заводил их выкриками в микрофон, используя модный нынче сленг. Я не понимала ни слова из сказанного и если сказать честно, мне было всё равно, что происходит на сцене, танцполе и на шестах, на которых крутились грудастые и попастые девочки-куколки.

Я сюда пришла только для того, чтобы окончательно не сойти с ума, находясь в одиночестве в пустой квартире.

Мою руку вдруг накрыла чья-то мужская рука...

Какой-то идиот решил познакомиться, но увидев мой взгляд, перестал сверкать белозубой улыбкой и, извинившись, исчез в толпе дёргающихся тел.

Бармен поставил передо мной полный стакан кристально прозрачной жидкости.

Выпила стакан водки залпом и сморщилась. Горло обожгло и резко перехватило дыхание. На глаза набежали и никого не замечала. Музыка и голоса слились в какой-то гул, который проходил сквозь моё замутнённое болью сознание.

Небольшой клуб в вечер слёзы. Я выдохнула и мотнула головой, силясь прогнать горечь.

Говорят, если напиться, то боль утраты на время стихнет.

Никогда не пила и считала алкоголиков конченными людьми.

Что ж, позвольте представиться, я начинающая алкоголичка, с красивым и гордым именем Аврора. По крайней мере, раньше я гордилась своим именем. А сейчас я себя ненавижу.

Прошло почти два месяца со дня смерти моего сыночка, Пашеньки. Мой маленький и улыбочивый ангелочек теперь рядом с моей мамой. Она присмотрит за ним, я знаю.

Только боль души от этих мыслей не проходит.

Каждый день, а особенно ночью, мне хочется кричать и выть. А в минуты настоящего отчаяния, когда эта боль становится настолько сильной, почти осязаемой, я утыкаюсь лицом в подушечку моего сына и кричу.

Я каждый день задаюсь вопросом, почему? Почему умер мой малыш, а не я? Почему чёртова болезнь поразила его маленькое тело? Ему же было всего два годика! Всего два годика... Невинная и чистая душа...

Я до самого конца не верила, что моего Пашеньки не станет. Даже когда врачи самой лучшей зарубежной клиники сказали, что операция не помогла и осталось моему малышу совсем немного... Даже когда раковая опухоль убила его... Я не верила. Не верила. Я держала своего малыша на руках и что-то ему шептала. Не помню что. Кажется, это была детская сказка.

Боль утраты обрушилась на меня, когда врачи стали забирать его из моих рук.

Мне кажется, мой крик слышали и в Аду, и в Раю...

Я помню, как все мои чувства перемешались, превратившись в один горький комок, который застрял в груди и выжигал мою душу раскалённым железом...

Я до сих пор не знаю, что мне делать дальше и как жить? Как жить, когда часть меня, моей души и моего сердца ушла... просто опустела, отмерла и образовалась зияющая дыра.

Говорят, что время лечит, что всё проходит и забывается? Я не верю. От мыслей, что посещают меня каждый день «взрывается» мозг...

Лишь с одной мыслью я смирилась – в жизни моей больше нет смысла.

Родишь другого, скажете вы...

Я расмеюсь вам в лицо. Я буду долго смеяться, долго и горько, до тех пор, пока меня не начнут сотрясать рыдания, и станет не хватать воздуха в лёгких...

А потом я вам расскажу...

Спустя полгода, после родов у меня обнаружили миому матки. Врачи меня долго успокаивали и говорили, что такое часто бывает после родов. Что нужно ещё немного подождать, и она рассосётся.

Дождалась. Я стала пустым сосудом, который больше никогда не даст новую жизнь.

Но у меня был Пашенька – свет моих очей, моё сердце...

А теперь его нет.

И детей я больше иметь не могу.

В моей жизни осталась лишь зияющая пустота...

Даже мужчины у меня нет. А тот, от кого я родила Пашеньку, только платил по алиментам и никогда не интересовался нашей судьбой. Он меня не любил, как и я его. Просто так случилось, что я забеременела и была самой счастливой женщиной.

Когда я сказала ему, что наш сын умер, в ответ услышала сухие слова:

– Мне очень жаль, Аврора и спасибо, что предупредила, а то бы я так и продолжал платить алименты...

В ту минуту мной овладел гнев, и в сердцах я выкрикнула, что лучше бы ОН сдох, чем мой сын!

Я ненавидела его, ненавидела врачей, что не смогли вылечить моего кроху. Ненавидела болезнь, которая унесла его жизнь. Ненавидела счастливых людей, особенно тех, у кого были дети. Но больше всего, я ненавидела себя.

Почему?

Не знаю...

– Какая красавица! И почему-то одна... Познакомимся, детка?

Ещё один кретин подкатывает ко мне. Неужели не видно по моему некрашеному и припухшему от бесконечных слёз лицу и всей моей агрессивной позе, что я не желаю знакомиться?!

– Отвали, – ответила грубо, даже не взглянув на мужчину.

– Неправильный ответ, – услышала игривый мужской голос прямо в ухо.

Резко обернулась и оттолкнула от себя наглеца.

– Ты с первого раза не понял? Я не желаю знакомиться! Надеюсь, теперь ясно?

Схватила свою сумку, прыгнула с барного стула и направилась на выход.

Но мне преградил дорогу этот недоумок.

– Слушай, да что такого-то? Чего ты дёргаешься? Тебя, наверное, парень бросил, да? Поэтому такая грустная? Да ладно тебе, подумаешь потеря... Меня Лёша зовут, а тебя?

Я посмотрела на этого высокого и улыбчивого парня и произнесла:

– Я похоронила сына.

Я сказала негромко, но почему-то мои слова прозвучали как гром.

И как наяву снова увидела тот день, когда моего Пашеньку опустили в сырую землю.

Моё сердце кровоточит и скорее всего, это навсегда.

С лица парня словно маску сняли, так изменилось его выражение.

Он не знал, что сказать, а я лишь кивнула и теперь спокойно смогла дойти до выхода.

В гардеробе забрала свой плащ.

Ночная осенняя Москва продолжала «жить» несмотря на тёмное время суток и, несмотря на мою боль.

Жизнь продолжалась.

Но только без меня.

Глава 2

*Я не знал, что так бывает:
Любовь и счастье нечаянно нагрывает...*

© Татьяна Михаль

* * *

Эрик

Сквозь сон услышал какой-то шум с улицы, который вторгся в моё сознание. Через короткий промежуток времени, я уже открыл глаза. Снаружи что-то было не так. Уже который день не могу нормально выспаться. Скорее бы уладить все дела и уехать на юг, чтобы отдохнуть от всей этой рабочей суматохи.

Лежащая рядом очередная любовница, перевернулась на другой бок и засопела.

Я хмыкнул.

Завидую ей. Мне бы иметь такой крепкий сон.

Шум не прекращался.

Кажется, где-то заплакал ребёнок. Не просто заплакал, а заревел с надрывом, будто его режут.

Вдруг раздался стук в дверь – яростный и какой-то нетерпеливый.

Со злостью скинул с себя одеяло и, ёжась от прохлады, накинул тёплый халат.

Выглянул в окно – моросил колючий дождь, порывы холодного ветра кидали в окно обнажённые ветви деревьев, которые и вызывали неприятный шум.

Нужно завтра же обрезать это проклятое дерево!

Я дошёл до входной двери и мысленно уже приготовил ругательства для ночного гостя.

Резко распахнул дверь и натурально удивился.

Никого не было.

Но вдруг, раздался какой-то писк снизу.

Опустил взгляд и чуть не заорал!

Что?! Мне подкинули ребёнка?!

Я, наверное, сплю и мне приснился кошмар. Потому что наяву такого просто не могло быть. Только не со мной.

Младенцу, очевидно, было холодно и некомфортно под осенним дождём. Ребёнок закричал.

Я моментально оглох. Как такой маленький комочек может издавать такие жуткие звуки?!

Я огляделся по сторонам, даже вышел на лужайку – никого. Вышел на дорогу, но, ни одной живой души не было и в помине. Район, в котором я живу, был престижным и тихим. Правда, сейчас тишину разрезал нереально громкий крик младенца.

Мои босые ступни стали замерзать. Колючий холод пробирал до костей.

Я вернулся к дому и брезгливо посмотрел на орущий комочек.

На крыльце моего дома стояла старая люлька, в ней и находился небольшой свёрток с младенцем.

– Проклятье! – выругался с чувством.

И что мне делать с этим крикливым чудовищем?

В первую очередь, наверное, не стоит оставлять ребёнка на холоде.

Поднял люльку за ручку и внёс подкидыша в свой дом.

Взъерошил волосы, и закрыл уши.

– Пожалуйста, замолчи... – попросил я ребёнка.

Но вопреки моей просьбе, он стал орать ещё громче, практически захлёбываясь своими хрипами.

Каким бы мерзавцем я не был, но стало ясно, что ребёнка нужно вынуть из сырой люльки и перепеленать в сухое.

Я взял на руки младенца и тот сразу же замолчал. Ощутил рукой, что снизу у него всё мокро.

Мне стало противно. Этого ещё не хватало. Положил ребёнка на диван и вернулся в спальню.

Начал будить спящую девушку.

Не помню её имени...

– Проклятье... – выругался снова. – Проснись.

– Эрик? Что с тобой? – прошептала сонная красотка.

– Твоя помощь нужна. Вставай.

Девушка тут же довольно улыбнулась и погладила себя по пышной груди.

– Я готова оказать помощь сию секунду, – промурлыкала она.

Мною овладело раздражение.

– Другого рода помощь. Нужно сменить ребёнку пелёнки... Не знаю, может ещё что ему нужно... – пожал плечами.

Глаза девушки изумлённо округлились.

– Какому ребёнку? – захлопала она ресницами.

На её вопрос тут же раздался оглушительный плач.

– Пошли, – поторопил её.

– Подожди! Эрик, ты же говорил, что у тебя нет ни жены, ни детей! – в её голосе послышалось недовольство.

– Ребёнка мне подкинул кто-то. Он весь мокрый. Его нужно запеленать в сухое. Пока займись им, а я свяжусь со службой поиска и заявлю о подкидыше.

Девушка подошла к кричащему несчастному малышу и неуклюже развернула пелёнки. Ребёнок был укутан в несколько слоёв. И вдруг, из одной пелёнки выпал измятый и влажный конверт.

– Эрик, здесь видимо письмо! – сквозь плач ребёнка крикнула девушка.

Я вернулся из спальни, надевая на руку смарт-браслет с проектором. Снова поморщился от этого чудовищного крика.

И когда этот ребёнок замолчит? Ведь невозможно же так орать!

Девушка протягивала мне конверт.

– Держи, его положили между пелёнок младенца.

В груди тут же возникло ощущение крупных неприятностей. Взял конверт двумя пальцами, словно мне протянули какую-то заразу и нехотя начал его распаковывать.

Плотная и влажная бумага поддавалась легко и я быстро выудил на свет несколько исписанных и пропечатанных листов.

Развернул первый лист и начал читать.

От этой информации душа моя ушла в пятки. Кажется, я забыл, как дышать. Даже в глазах на мгновение потемнело.

Так не бывает... Не бывает! Только не со мной! Это какой-то розыгрыш!

Снова перечитал письмо, но уже более вдумчиво.

«Эрик, прости меня за такой поступок, но по-другому я поступить не могла. Две недели назад я родила ребёнка, мальчика. Это твой сын. Если помнишь, я обращалась к тебе за помощью и говорила, что беременна, но ты не поверил мне и сказал не показываться на глаза, иначе ты засудишь меня. Но ты, наверное, даже не помнишь меня. Мы встречались с тобой пару

недель, а потом ты про меня просто забыл. Не знаю, как так получилось, ведь мы оба предохранялись. Но случившегося не вернёшь. Делать аборт не стала. И даже мыслей таких не возникло. Но воспитывать ребёнка и растить не имею возможности и если честно, не имею никакого желания. Я ещё слишком молода для этого. Но и отдавать ребёнка в детский дом или чужим людям не хочу. В конверте ты найдёшь результаты анализа крови ребёнка. По базе данных, его кровь совпала с твоей на 99,9 %. Также я написала отказную от него. Сейчас у мальчика есть только отец – это ты. Имя дашь ему сам. И не ищи меня, Эрик. Желаю вам счастья. Эмили Рокс.»

Эмили Рокс... Это имя мне ни о чём не говорило. Я не помню, кто это. Но помню, что какая-то девица приходила в мой офис и даже к дому, и что-то кричала о своей беременности. Я не придавал этому значения и решил, что это провокация очередной брошенной любовницы или моей тайной воздыхательницы. Ведь я всегда предохраняюсь.

Проклятье! Это всё равно не может быть правдой!

Я развернул другие листы. Здесь был генетический анализ крови. Подделать его невозможно, как и сам бланк, который был с официальной печатью и подписью службы учёта всех людей.

Кровь каждого человека хранилась в лаборатории этой службы. Каждый человек сдавал свежий анализ раз в три года.

На другом листе было заявление Эмили Рокс об отказе от ребёнка. Она приложила к заявлению чип со своей кровью, который подтверждает подлинность этого заявления и то, что эта информация уже находится в базе данных службы учёта! И избавиться быстро от ребёнка я теперь не могу! Эта тварь всё предусмотрела! Чтобы передать младенца другим людям, нужно подтвердить, что я не могу его воспитывать!

Мне захотелось разорвать документы в клочья и заорать.

Я вернулся в гостиную.

Девушка что-то пела ребёнку, качая его на руках. И тот молчал.

– Я вижу, ты отлично с ним справляешься... – проклятье, не могу никак вспомнить её имя!

Она пожала плечами.

– Я часто сидела с племянниками, – шёпотом ответила девушка. – Ты уже позвонил в службу поиска?

– Нет.

Она нахмурилась.

– Тебе что-то сообщили в письме, верно? Расскажи мне.

Я взъерошил волосы и посмотрел на маленькое тельце, завернутое в моё чистое и пушистое полотенце.

– Судя по письму, он – мой сын... кажется.

Девушка перестала качать ребёнка и выдохнула:

– А где же его мать?

– Он ей не нужен и как видишь, она очень ловко решила свою проблему.

– Как ребёнок может быть проблемой? Эрик, ты должен найти её и...

– Слушай, что я должен делать, я и сам знаю! – не сдержался и грубо ответил ей.

Девушка зло сомкнула губы.

И тут же я мягче произнёс:

– Можешь посидеть сегодня с ним? Мне нужно будет съездить в несколько служб, чтоб решить, куда и кому отдать ребёнка.

Глаза девушки чуть не вылезли на лоб.

– Ты хочешь отдать своего сына?! Эрик, ты спятил?

От её вскрика, ребёнок опять заплакал. Она снова начала его убаюкивать.

Нет, это невозможно! Я не вынесу такой шум!

От ребёнка скорее нужно избавиться. Пусть ему подберут нормальных родителей. Я уж точно не подхожу на роль отца.

– Так ты посидишь с ним? Я могу на тебя рассчитывать? – повторил свой вопрос.

Она сузила свои глаза и спросила:

– Как зовут малыша?

Пожал плечами.

– Ему не дали имя. Кстати, может ты хочешь его себе забрать? Вон как ты здорово успокоила это чудовище.

Девушка хмыкнула.

– Знаешь что, Эрик. Ребёнок – это не собачка и не котёнок, которого можно кому-то подарить или передарить. Давай-ка ты сам и будешь решать свои проблемы. И когда их решишь, тогда и свяжешься со мной. Думаю, что ты станешь хорошим отцом этому крохе. Точнее, я очень на это надеюсь.

– Эй, эй... подожди!

Девушка сунула мне в руки свёрток с младенцем, а сама ушла в спальню и начала одеваться.

Ребёнок снова заплакал.

– Ты не можешь меня бросить с НИМ! – в панике закричал и вытянул руки, чтобы не прижимать к себе этого орущего монстра.

Ребёнок снова оглушительно ревел.

– Вообще-то, ОН – твой сын, Эрик. И неплохо было бы, ЕМУ дать имя, – строго и недовольно ответила девушка, натягивая чулки.

– Послушай, я же не просто так тебя прошу побыть с ним! Я заплачу тебе... – и снова провал с именем девушки.

– Назови моё имя, Эрик, – словно читая мои мысли, попросила она.

– Что? – переспросил её, морщась, так как ор ребёнка перешёл на ультразвук.

– Назови. Моё. Имя. – Произнесла она по слогам. – И тогда я останусь.

Проклятье! Ну что за игры?!

– Слушай, ну это же не серьёзно, в самом-то деле...

Девушка оттолкнула меня плечом и пошла на выход.

– Подожди! Ты – Кэтрин!

– Не угадал, Эрик, – не оборачиваясь, ответила она.

Я выругался и подхватил ребёнка, который чуть не выпал из размотавшегося полотенца головой вниз.

– Сколько ты хочешь?! – заорал я, чувствуя настоящую панику и страх. Я же не умею обращаться с младенцами! Я не знаю, что мне с ним делать!

Проклятая Эмили! Я найду тебя и испоганю всю твою жизнь!

– Пока, Эрик. И покорми своего сына. Он голоден.

– Пожалуйста, не уходи... – умоляюще прошептал. – Я не смогу... Он же умрёт... Я заплачу тебе столько, сколько скажешь...

Она покачала головой и, вздохнув, сказала:

– Найми няню, Эрик.

Когда дверь за ней закрылась, я ощутил себя самым одиноким и несчастным человеком во всём мире.

Глава 3

*Никогда не знаешь,
Где найдёшь, где потеряешь...*
Пословица

* * *

Эрик

– Простите, мистер Варго, но я в последний раз вам повторяю, что ребёнка мы не можем забрать, – повторила женщина, у которой заметно дёргалась щека. Очевидно, я её достал, но мне было плевать на её чувства.

– Эрик, я лично дал задание взять новый анализ крови мальчика и сопоставить с твоими данными. Это твой сын, – сказал твёрдым и уверенным голосом Том Хадсон – заместитель руководителя службы поиска. – Анна, оставьте нас одних.

Женщина с превеликим удовольствием покинула кабинет, одарив меня неприязненным взглядом. Стерва, да пошла ты!

– Послушай, Том... Я не знал о ребёнке ничего и мне просто его подкинули! Я уже сто раз тебе это повторил! Я не могу оставить его!

Седой мужчина с усталыми глазами, под которыми находились возрастные мешки, с обвислыми щеками и дряблой шеей, вздохнул и покачал головой.

Я прекрасно видел, что уже достал его, но никак не мог смириться с мыслью, что мне придётся оставить ребёнка себе! Это было неприемлемо, невозможно! И точно не для меня!

– Эрик, услышь меня, – произнёс устало Том. – Этот ребёнок полностью твой. И ты не имеешь никакого морального права отказываться от дара, что преподнесла тебе сама жизнь. Вот свидетельство, сюда уже внесли все физические данные твоего сына, осталось только вписать его имя.

Том придвинул мне свидетельство. Я должен был вписать имя ребёнка, дать ему свою фамилию и подписать свидетельство. И тогда, этот орущий комок станет полностью моим и также полностью зависящим от меня. И я уже точно никогда не смогу от него избавиться. Хотя нет, смогу – если помру. Но такой радости я никому предоставлять не собираюсь.

Меня обуревали смешанные чувства и в основном они были негативные. Мне хотелось орать похлеще подкинутого мне ребёнка, что сейчас находился в комнате для младенцев под присмотром сотрудников службы.

Я протёр лицо руками, словно старался стереть с себя все события сегодняшнего проклятого утра.

– Эрик, я дам тебе список нянь, которые имеют самые лучшие рекомендации. Тебе нужно будет только приобрести необходимые вещи для младенца. Всё остальное, одобренная тобой работница, сделает сама.

– Меня сам факт раздражает, Том. Я не готов стать отцом...

Том рассмеялся.

– Эрик, Эрик... Тебе уже тридцать шесть лет! Ты мужчина в самом расцвете сил! Тебе УЖЕ пора иметь детей и семью! И скажу тебе по секрету, к рождению детей всегда оказываешься не готов, даже если и ждёшь этого. Но тебе понравится быть отцом. Поверь мне, Эрик, я знаю, о чём говорю. У самого двое сорванцов. Так что не дури, дай имя ребёнку, подписывай свидетельство, и вали уже отсюда. Ты меня конкретно достал.

Взял ручку и замер над графой «имя».

И какое же имя тебе дать?

Вписал первое, что пришло на ум.

«Артур Варго».

Всё. Это конец. Я дал имя ребёнку. Признал окончательно его своим.

Поставил подпись и сегодняшнюю дату.

– Отлично! – улыбнулся довольный Том, делая для себя копию свидетельства, чтобы внести его в базу данных. – Перед уходом, наши сотрудники вручат тебе брошюры по уходу за новорождёнными. Ознакомься с ними, Эрик. И желаю вам всего самого хорошего.

– Ага, – буркнул я. – Всё хорошее осталось у меня позади. А впереди меня ждёт только мрак.

– Не будь пессимистом. Когда твой сын вырастет, ты ещё будешь ностальгировать по этим дням, так что наслаждайся уже сейчас.

– Это не про меня, – махнул ему рукой.

С такими невесёлыми мыслями я покидал контору, в которой я не смог избавиться от ребёнка, а только повесил его на себя, как самое тяжёлое и неудобное ярмо в мире.

Я нёс в одной руке люльку, в которой лежал и спал безмятежным сном мой сын.

Как непривычно и странно это звучит – мой сын. Мысленно выругался.

Артура накормили и правильно запеленали сотрудники конторы. Хотя за это им спасибо. В кармане находился список компетентных профессиональных нянь, с которым я ознакомлюсь, как только вернусь домой.

Проклятье, нужно связаться со своим партнёром, чтобы предупредить его о моём отсутствии. Ему придётся одному просмотреть договор о сделке.

Не успел я добраться до дома, как мой смарт браслет завибрировал и вывел перед глазами голограмму моего помощника.

– Мистер Варго... – промямлил молодой мужчина и всхлипнул. – Ваш партнёр, мистер Симон, застрелился сегодня утром. Он заложил нашу компанию, все активы и активы всех сотрудников в рискованную сделку и прогорел. Мы все банкроты...

* * *

Я резко развернул свой аэромобиль.

– Запусти режим «полёт», – отдал команду встроенному компьютеру.

– Режим «полёт» активирован, – ответил механический голос.

Из панели, ко мне выдвинулся рычаг ручного управления. Я ощутил, как транспорт трансформировался для полёта.

Краем глаза взглянул на люльку с ребёнком. Убедился, что та пристёгнута надёжно.

Добавил скорости и, поднявшись на воздушную трассу, пропустил парочку летящих аэромобилей, направился в свой офис.

Только мой ли уже это офис?

– Рекомендуется снизить скорость, – включился автоматический голос.

– Отвали! – рыкнул я.

Мои мысли занимал мой партнёр и его чудовищные поступки.

Нил, дружище, как же ты мог подставить нас всех и убить себя? Мы бы обязательно что-нибудь придумали. Ты сам мне всегда говорил, что из любого, даже казалось бы, из самого безвыходного положения, всегда есть выход. Всегда.

Хотя... Ты, как раз, и нашёл выход – самый простой и трусливый, взвалив ответственность своих проступков на твоих партнёров и ни в чём повинных людей. Столько сотрудников трудится... трудилось в компании! И что им теперь делать, Нил? У многих семьи, дети...

Я взглянул на своего сына.

Посмотри, Нил, ты и моего сына оставил без трусов.

Но может всё, на самом деле не так, как сообщил мой помощник? Не мог же Нил в обход всех собственников, использовать наши счета и активы в своих целях и сделках? Или мог? Если это действительно так, то тогда, я работал и дружил с человеком пятнадцать лет и абсолютно его не знал...

– Проклятье! – стукнул кулаком по панели управления, но моя рука лишь чуть увязла в мягкой обшивке, ни навредив самой панели, ни моей руке. А так хотелось что-нибудь разбить и сломать.

Так, эти мысли лучше оставить для спортзала или мордобоя на ринге. Если Нил действительно пустил нас всех по миру, то мой аэромобиль придётся продать.

Не хочу пока думать о финансовой стороне, пока не уверюсь в том, что произошло.

Кстати, финансы.

Активировал свой смарт браслет и произнёс:

– Назови состояние моего счёта, хочу знать свой баланс.

– Счёт пуст, – ответил равнодушный голос браслета. – Баланс равен нулю.

По спине прошла противная дрожь, цепкими иголочками тока, впившись в каждый позвонок.

Чтобы не заорать от зарождающегося бешенства и страха, я выдохнул и произнёс:

– Соедини с администратором банка «ЛивЛаб».

Несколько секунд ожидания и я услышал учтивый, но довольно напряжённый голос администратора, который когда-то «лизал» мою задницу, лишь бы я открыл счёт в их банке.

– Мистер Варго... – произнёс сотрудник банка и запнулся на полуслове. – Я рад вас слышать...

– Оставим реверансы, Хит. Я хочу знать, сколько на моём счете средств, – и замер, ожидая ответ Хита. Вдруг мой смарт браслет дал сбой?

– Мистер Варго... Ваш счёт пуст... Мы хотели сами сегодня с вами связаться, но вы опередили нас.

Конечно, так я тебе и поверил.

– Куда ушли мои средства? – в моём голосе сквозил леденящий душу холод и злость.

– Сегодня рано утром они списались по постановлению службы экономических расследований и разошлись по семнадцати счетам разных компаний... – заблеял администратор.

– Каких компаний?! – заорал я, так как не мог уже сдерживать свой гнев.

В результате от моего крика проснулся Артур и тихонько захныкал.

– Простите, мистер Варго, но я не могу выдавать имена наших клиентов. Для выяснения этих деталей вам нужно обратиться в службу экономических расследований, – ответил администратор, взбесив меня ещё больше.

– Хит, проклятье, просто назови хоть одну компанию. Дальше уже разберусь сам. Я должен знать, куда ушли все мои средства! – моё тело будто звенело от напряжения. Я готов был взорваться. Никогда ещё не был в таком ужасном положении, когда меня вдруг лишили всех финансов и оставили голозадым.

– Простите, мистер Варго, но данную информацию я не имею права раскрывать. – И добавил своим фирменным жизнерадостным тоном, от которого меня затошнило: – Скажите, вы будете закрывать счёт или пополните его?

– Идиотский вопрос, – огрызнулся я и завершил разговор.

Просто великолепно! Я действительно банкрот!

– Нил, ты настоящая скотина! – воскликнул я.

И Артур, вместо того, чтобы ещё больше не нервировать меня, закатил самую настоящую истерику.

Кажется, моя голова сейчас лопнет, и мозг забрызгает дорогой салон моего аэромобилia.

– Прости, парень, но мне сейчас не до твоих соплей. Поэтому лучше успокойся. Послушай вот музыку. – Я старался говорить с ребёнком тихо и спокойно, насколько это было возможно в моём состоянии и положении.

Запустил проигрыватель, и салон аэромобиля заполнили звуки плавной и тягучей музыки. Я любил под такую мелодию заниматься сексом с девочками. Но, кажется, про них мне сейчас придётся на некоторое время забыть.

К моему удивлению, музыка не понравилась Артуру, и тот заголосил ещё громче. Пришлось выключить.

– Что тебе надо, а? Тебя накормили, в сухое снарядили, впитывающие трусы надели. Лежи себе и наслаждайся!

Но ребёнок, словно назло мне, заходился в диком плаче, от чего его лицо покраснело, потом и вовсе побагровело. Небольшой рот младенца раскрывался в крике, обнажая розовые дёсны и язык, он хмурил брови и жмурил глаза.

– Слушай, ну прекрати, в самом деле, это не смешно!

Мне захотелось выпрыгнуть из салона аэромобиля, лишь бы не слышать это душераздирающий крик.

– Ты орёшь, будто тебя режут! – воскликнул я.

Пришлось замедлить скорость аэромобиля и спуститься на дорожную трассу.

Я отъехал на место парковки и взволнованно, точнее больше раздражённо посмотрел на ребёнка.

Так трудно разобраться, от чего он плачет!

Вынул Артура из люльки, положил на сиденье и размотал все его пелёнки. Непромокаемое и впитывающее влагу бельё для младенцев было сухим, о чём сообщала полоска на них. Попытался напоить его водой. Артур сделал пару жадных глотков. Я было, уже обрадовался, но как оказалось, рано. Он снова закричал.

Попытался накормить его питанием из баночки, которую мне дали услужливые сотрудницы службы поиска. Похоже, Артур не был голоден.

– Что тебе от меня надо?! – прикрикнул я на ребёнка, резкими движениями заворачивая его обратно в пелёнки.

Так, нужно успокоиться. А это чудовище всё кричит и кричит.

Сделал вдох-выдох и взял его на руки, как это делают женщины. Вроде правильно. И о чудо! Этот монстр замолчал. Красные пятна стали исчезать с его личика, он зачмокал губами и даже прикрыл глаза. Кажется, он начал засыпать.

– Та-а-к... значит, тебя нужно было всего лишь на руках подержать?

Минут через пять, когда Артур засопел, я аккуратно положил его обратно. Но едва его тело коснулось люльки, как это чудовище заорало снова.

– Ты издеваешься?! – уже фальцетом воскликнул я.

Пришлось держать ребёнка одной рукой, а другой вести аэромобиль. Как ни странно, но ребёнок уснул, свесив руки и ноги вдоль моей левой руки. Его голова покоилась на моей груди. Артур даже не реагировал на мои движения, когда я вёл свой транспорт.

Я снова предпринимал попытку уложить его обратно в люльку, когда решал, что он уже окончательно и крепко заснул, но, похоже, у ребёнка был встроен какой-то чип, определяющий местоположение. По-другому объяснить, что стоило его только положить в люльку, как он моментально просыпался и оповещал своё недовольство пронзительным криком.

В офис я входил злой, как тысяча неудовлетворённых маньяков и нёс на одной руке сына, прижимая к груди, в другой – его люльку с бельём и кормлением.

Сотрудники встречали меня изумлёнными взглядами, но увидев моё выражение лица, не решались задать вопросы. И правильно делали. Я сейчас в том состоянии, что пошлю каждого далеко и надолго.

Глава 4

*Ты в моём сердце – любовь и свет,
Ты в моём сердце – боль,
Потому что тебя нет...*

© Татьяна Михаль

* * *

Аврора

– Аврора, я всё понимаю, ты переживаешь непростой этап в своей жизни... Но дорогая моя, я не могу ведь объяснить людям, что у нашего дизайнера одежды траурное настроение! Я не могу показать это стилистам!

Ольга трясла перед моим носом эскизами зимней и весенней коллекции одежды, которые вчера ей сдала.

Я угрюмо кивнула. Согласна, из-под моей руки вышли довольно мрачные образы, но я ничего не могу с собой поделать. Невозможно заставить себя радоваться и видеть радугу, когда внутри тебя поселилась вечная мерзлота и перед глазами ты видишь только сплошную беспросветную тьму, которая словно коконом обвила всю мою жизнь. Я вижу мир в серых тонах, для меня больше нет цветов, они поблекли, стёрлись, растворились и навсегда исчезли.

– Оль, я всё переделаю, – вздохнула расстроено. Однако, зачем врать самой себе, ничего я не переделаю.

Ольга покачала головой и опустила на соседний стул напротив меня.

– Ава, – сказала она строго. – Послушай меня...

Ненавижу, когда меня называют Авой и Ольга это знает, использует такое сокращение только тогда, когда она сердита на меня. Мой рабочий день завершается «весело». Да и плевать.

– Даже если ты переделаешь эскизы, Аврора, но что изменится? Чёрт! Я ведь уверена, что настроение останется то же! От твоих работ так и веет тоской и отчаянием! Женщины не захотят надевать и носить такую одежду!

Я опустила голову на сложенные руки.

Как же меня всё достало. Хочу уснуть и больше никогда не проснуться. Во сне я снова увижу своего Пашеньку и мы будем вместе, и снова счастливы. Он мне каждый день снится. Только во сне я снова слышу его счастливое и радостное «мамочка»... Только там я счастлива, обнимая своего малыша...

На глаза опять начали наворачиваться слёзы.

– И что ты предлагаешь? – тихо поинтересовалась у неё, смахивая влагу с глаз, хотя сказать по правде, мне было как-то параллельно, что думает моя начальница и по совместительству подруга.

– Аврора, посмотри на меня, – попросила упавшим голосом Ольга.

Я с трудом отлепила тяжёлую голову от стола и посмотрела на неё пустым взглядом. Да, в моих глазах больше нет жизни, они стали блеклые, даже бесцветные. В них не отражается больше ничего... только пустота.

– Что? – спросила её.

– Аврора, тебе нужно отвлечься. Уехать отсюда куда-нибудь. Сменить обстановку, завести отношения с мужчиной... Возьми отпуск на месяц, два, три да хоть на год. Тебе нужно выбираться из этой депрессии. Я не говорю, чтобы ты забывала своего сына и не оплакивала его... Нет, конечно. Но я не могу смотреть, как ты сама себя медленно убиваешь!

– Так не смотри, – обронила равнодушно и пожала плечами.

Ольга вздохнула.

– Я даже представить не могу, что ты чувствуешь, но... жизнь ведь не закончилась. Аврора, ты молодая и красивая женщина, ты ещё можешь быть счастливой! Ты только на секунду подумай, сколько детей оставлены нерадивыми мамашами на произвол судьбы и скольким требуется материнская любовь, тепло. Ты можешь усыновить или удочерить...

– Нет! – воскликнула резко, обрывая её на полуслове. – Ты ничего не понимаешь! И ты права, ты даже на секундочку не можешь представить, что я чувствую! Я хочу, чтобы мой ребёнок жил, хочу получить его обратно. Ты говоришь мне уехать...

Я горько рассмеялась, чувствуя солёный привкус во рту – то были мои слёзы.

– Я не предаю память моего сына, оставив его здесь одного, в этой земле. И чужого ребёнка мне нужно. Я хочу видеть на фотографиях и в своей жизни лицо своего сына, только своего и ничего больше. Усыновив кого-то, я вторично убью своего мальчика. И знай, я буду тосковать о своём ребёнке до последнего дня моей жизни.

– Аврора, но ведь боль со временем утихнет и уйдёт, – сдавленным голосом произнесла Ольга, утирая текущие слёзы. – Ты ведь говорила, что с тобой всё нормально, ты справляешься, но оказывается, что нет. Аврора, так ведь нельзя...

Ольгу задела моя боль, потому что она была настолько плотной и осязаемой, что все, кто находился рядом, ощущали рвущую сердце в клочья тоску. И старались отдалиться от меня. Кому захочется ощущать подавленность, когда в их жизни, итак, всё хорошо?

– И не говори мне, что я молода и буду ещё счастлива. Может быть, когда-нибудь, я и усыновлю ребёнка, и мне доведётся радоваться ему. Но пока я должна оплакать своего малыша, который ушёл. И никакой другой ребёнок его не заменит. Никогда.

Ольга поднялась, её плечи опустились. Ей тоже было плохо, ведь она так радовалась моему Пашеньке, когда приходила в гости.

– Аврора, несмотря на твою страшную беду, я обязана дать тебе отпуск. В данной ситуации ты не работоспособна. Но это не значит, что ты уволена.

Я хмыкнула, но кивнула. Пока не уволена, прозвучало между строк. Кого она обманывает? Итак, всё ясно, что я отработанный материал.

Пусть так. Только Ольга не понимает, что когда я нахожусь один на один со своей болью, у меня ещё больше возникает желание исчезнуть и уйти вслед за своим сыном.

Со мной никто не прощался. Сотрудники сторонились меня, будто я заразная. Даже слухи ходили, будто я могу передать своё несчастье и другим.

Меня не задевало их мнение, пусть думают, что хотят.

И даже Ольга как-то неуклюже и неловко меня обняла, и пожелала удачи.

Удачи? Мне? В чём? Для чего?

Я вышла из офиса и вдохнула полной грудью тяжёлый воздух поздней осени, который пах сыростью, морозом и чем-то горьким. Именно такое же настроение царило у меня внутри.

Опустила понуро голову и поплелась к своей машине, шаркая ногами, словно древняя старуха.

* * *

– Мама! Мама! Слышишь? Мамочка!

Я обернулась на голос, но не видела ничего кроме сплошной темноты.

– Мама...

– Паша! Пашенька, где ты?

Я понимаю, что это сон! Другой сон, не такой, как обычно! Я не вижу своего сына, а только слышу его плач и крик, и то, как он зовёт меня.

– Где ты?! – срываюсь на пронзительный крик.

Вокруг меня одна темнота, я не вижу ничего, и это выматывает, лишает последних сил. Сколько я уже в этой темноте? Почему я слышу плач своего ребёнка, но не могу никак найти его?!

– Мама... – раздалось уже где-то далеко.

– Нет! Нет! Вернись!

Я не хочу, чтобы мой сын покинул меня и во сне!

Но я не слышу больше его. Осталась только тёмная пустота.

– Вернись! – закричала, срывая голос, но мой крик утонул в этой тёмной мгле.

– Вернись! – я резко распахнула глаза и подскочила на кровати. Ощутила как меня бьёт крупная дрожь, стучат зубы, а всё тело покрывает противный липкий пот. А по моим щекам текут горячие, словно раскалённая лава, слёзы.

Обняла себя руками и моё тело непроизвольно стало раскачиваться из стороны в сторону.

Я не заметила как начала выть.

Если и есть где-то Ад, то я как раз нахожусь в нём.

* * *

Я так и не смогла заснуть ночью. Засыпая, раз за разом я видела один и тот же сон – мой малыш звал меня, и я никак не могла его найти, даже увидеть, потому что вокруг была только беспросветная тьма. Она безмолвно и равнодушно созерцала мою боль и слушала мой пронзительный зов. Но тьме было всё равно. Её не волновало моё горе и крик ребёнка. Равнодушие и холод.

Просыпалась я в крике и холодном поту. Это было невыносимо, больно и страшно. В мою голову начали лезть ужасные мысли, что может моему сыночку плохо «там» без меня... Может, это знак? Только какой знак?

В эти минуты после пробуждения я выходила на балкон и курила, хотя я терпеть не могу сигареты и курильщиков, но мне нужно было чем-то занять себя, каким-то бессмысленным делом как курение. Глупость, скажете вы. Да я и сама это знаю. Если не курила, то выла...

Наверное, я схожу с ума.

Итог, утром моё тело было разбито на миллионы осколков, голова болела и гудела и, меня постоянно клонило в сон, но как ни странно, заснуть я так, и не смогла.

Когда варила себе кофе, раздался звонок в дверь.

Я не ждала гостей, но возможно, это Ольга приехала навестить меня и проверить, не покончила ли я с собой.

Глупая, я такого с собой ни за что не сделаю, хотя не так давно мои мысли занимали идеи о суициде. О своей боли и намерениях я рассказала бабушке в церкви, который и вправил мне мозги на место. Убей я себя, то никогда больше не встретишься бы со своим сыночком. Бабушка много говорил про опыт, испытания, исцеление, перерождение и благодарность... Говорил и то, что мысли о суициде, внушает враг моего спасения. Говорил про великое томление испытываемого духа. Выдержит душа, значит, пригодна для настоящей вечной жизни. Главное, я выделила для себя из его наставлений – это то, что самоубийство не выход и мне нужно жить, как бы больно не было. Иначе моя душа никогда не увидит моего сына.

В те минуты, когда прозвучали его последние слова, мне захотелось накричать на священнослужителя. Как он может говорить о таких вещах, когда не знает, как это! Какая это раздирающая боль, и какие страдания она порождает! Какое исцеление и какая жизнь без моего сердца и моей души?!

Но мне пришлось заткнуться и проглотить свой крик, когда он произнёс то, что заставило меня зауважать этого человека и искренне ему сочувствовать. В автокатастрофе батюшка потерял свою беременную жену и сына, а сам остался жив и невредим, как и виновник аварии.

И где спрашивается справедливость? Где она? Куда смотрит Бог, если он есть, зачем забирает невинные души? И зачем оставляет в живых тогда нас, тех, кто потерял любимых? Зачем..? Почему..? Что за большая фантазия у мироздания..?

– Знаю, Аврора, как тебе трудно. Горя – через край. И я потерю пережил...

– Как у вас получилось жить дальше? – спросила я у него.

– Никак, – был его тихий ответ. – Я живу с этим уже семь лет и молюсь за души своих родных каждый день и верю, придёт тот день, когда мы увидимся снова. Пока я чувствую душевную боль – я живу и помню о них. И ты должна жить, Аврора.

Он положил руку на свою грудь в области сердца.

– Они здесь всегда, они рядом. И твой сын тоже. И как бы трудно тебе ни было, помни две вещи: первое, что Сам Отец твой Небесный определяет меру страдания; второе, что Он знает твою меру. Когда бы ни пришла к тебе мысль о самоубийстве, гони её, ибо это шёпот сатаны... Как бы ни было здесь тяжело, хотя бы мы жили на земле тысячи лет в тяжких страданиях – всё же им будет конец. А в аду нет конца мукам.

Не скажу, что его слова утешили меня и придали сил. Тогда мне стало наоборот, ещё хуже. Но его слова заставили меня навсегда отказаться от мыслей о суициде.

Мне никуда не спрятаться от боли и острого переживания абсурдности бытия, а любые слова сочувствия причиняют ещё большее страдание.

Я дала себе обещание, что буду жить. И я живу, но на самом деле, я умерла вместе со своим сыном.

Вынырнув из воспоминаний, я открыла входную дверь и тут же хотела захлопнуть её обратно.

Я считала, что промоутеры, которые ходят по квартирам с предложением о покупке никому не нужной ерунды, давно сменили дислокацию, и предлагают свои «пустышки» либо сотрудникам офисов, либо стоят возле торговых центров, и раздают листовки. Но, очевидно, остались и те, кто работает по старинке.

Я не смогла захлопнуть дверь – мужчина ловко просунул свой ботинок в дверной проём.

– Мне ничего не нужно. Прощу вас убрать ногу, – устало попросила я.

В ответ раздался смех и, отсмеявшись, мужчина покачал головой и произнёс:

– Нет и нет. У меня как раз имеется то, что тебе нужно, Аврора.

Я напряглась.

– Откуда вы знаете моё имя?

– Оттуда, – показал он пальцем в небо. – Впусти меня и всё узнаешь...

– Ещё чего, – разозлилась я. – Уходите или я вызову полицию.

Мужчина поднял руку перед собой, в которой держал, перевязанную подарочной лентой, картонную коробку из-под торта. Возможно, в коробке и находился торт, но мне было это неважно. Главное, чтобы он убрал свою ногу и оставил меня в покое!

– А я принёс торт. Твой любимый, между прочим, «Киевский», – широко улыбнулся мужчина, а в его глазах плескалось настоящее безумие. Не бывает таких глаз у нормального человека – словно они не могут сосредоточиться на чём-то одном; зрачки расширены и практически закрывают всю радужку.

У меня сразу в голове родилась безумная мысль, что стоящий за моей дверью мужчина, настоящий сумасшедший, он знает моё имя, знает, какой торт я люблю... Значит, он за мной следил?

– Уходите... – попросила я снова, сильнее надавливая на дверь и носком своего тапочка, старалась вытолкнуть его ногу из проёма. – Мне ничего не нужно, неужели вам непонятно?

– Нужно-нужно, – закивал он головой, как китайский болванчик и рассмеялся. – Если непустишь, то всем плохо будет, Аврора... И кофе у тебя убежал...

– Уходите! – зашипела я и смогла, наконец-то, вытолкнуть этого странного типа. Быстро захлопнула и закрыла дверь. Прислонилась к ней спиной и подумала, что каких только чудиков не бывает. И ещё, очень надеюсь, что он за мной не следит. Имя человека и его пристрастия, на сегодня, легко выяснить.

Снова стали звонить в дверь.

Чёрт, у меня не было дверного «глазка», и я громко спросила:

– Кто?!

– Впусти меня Аврора! – сквозь смех раздался голос странного незнакомца.

И мне стало страшно. Что этому сумасшедшему нужно от меня?!

– Уходи...

Но я не успела договорить.

– Твой сын так ждёт тебя, Аврора. Так ждёт... Зовёт свою маму... Ты же помнишь, как твой мальчик пришёл в этот мир, вдохнул воздуха, начал жить, и вдруг – его нет. А ведь он был – улыбался, шурился на свет, держал тебя за палец, имел свой особенный цвет глаз, был на тебя похож, впервые пошёл, назвал тебя мама... Тебе сейчас кажется, что ты оказалась в вакууме, в чёрной дыре, в предельном одиночестве, и вокруг ни души.

– Что... – кажется, я забыла, как дышать. Моё сердце готово было вырваться из груди. Я не заметила, как меня начало трясти.

Руки не слушались и только со второй попытки, я открыла дверь.

– Что вы сказали? – спросила я его упавшим голосом. – Как вы смеете мне такое говорить...

– Смею говорить, так как уполномочен. И хватит сырость разводить. Зачем душу себе рвёшь, Аврора? Впусти меня и давай уже, чаю с тортом попьём. Да про сына своего послушаешь.

Что происходит?

– Я ничего не понимаю... Кто вы? И что хотите рассказать? Пока внятно не скажете, что вам нужно и что вы знаете о моём сыне, я вас не впущу!

Мужчина усмехнулся.

– Какая дёрганая ты стала Аврора. Наставник я твой, хранитель. А сын твой в мире другом родился, да только мать, родившая его, отказалась от мальчика. Папаша его сам как дитё малое.

– Входите, – пригласила я мужчину, до конца не понимая, зачем это делаю и зачем позволяю себе слушать сумасшедшего. Ведь что он несёт, что за чушь? Какой другой мир, какой хранитель? Но, очевидно, я очень хотела поверить его словам.

Глава 5

Наши Старшие Братья – Великие Космические Учителя – из Любви к нам пожертвовали своим блаженством в Высших Мирах; они остались на Земле, чтобы помочь людям победить зло, спасти от гибели наши души. Величие этой жертвы нам даже трудно себе вообразить.
© ON ONE BREATH...

* * *

Аврора

Странный мужчина. И зачем я его только впустила? На что я надеюсь?

Но глупое сердце и разбитая душа зацепились за его безумные слова ниточками зыбкой надежды.

Мужчина деловито всучил мне коробку с тортом, а сам стал разуваться. Я следила за ним внимательным и настороженным взглядом. Очевидно, я действительно сошла с ума и теперь начала притягивать к себе соответствующую публику.

Я рассматривала человека, который задел меня своими словами и недоумевала, почему я его не выгоню? Я застыла соляным столбом и жду, когда он снимет другую чёртову туфлю со стоптанной подошвой и наконец, расскажет о моём сыне...

«Твой сын мёртв», – жестоко вернул меня в реальность мой уставший разум.

– Как вас зовут? – спросила незнакомца, тряхнув головой, прогоняя въедливые мысли.

Он снова рассмеялся, снял куртку, которую он носил, наверное, ни один десяток лет и сказал:

– Ни один человек не сможет выговорить моё имя. Так что называй меня, как хочешь. Так-так и где у нас тут кухня?

Прошёл он мимо меня, проводя рукой по обклеенным обоями стенам.

– Хороший у тебя дом, Аврора, уютный. Твоему сыну тут нравилось...

И снова этот идиотский смех.

Поздравляю тебя, Аврора. Ты будешь пить чай с безумным бомжом и рассуждать о своём ушедшем сыне...

Я рассердилась на саму себя, свою слабость, на этого человека, который постоянно ржёт, насмехается и зачем-то дал надежду... Надежду на что? Похоже, мне нужна помощь специалистов, раз я готова поверить словам первого встречного о том, что мой сын жив и находится в другом мире.

– Прекратите! – зло процедила. – Прекратите смеяться! Я не вижу ничего смешного в моей ситуации! Говорите, что вам нужно и что вы знаете о моём сыне, и убирайтесь! Или не говорите ничего и всё равно убирайтесь!

И опять он смеётся.

Я хочу его придушить, убить, но лишь бы не слышать этот жестокий смех.

– Я не уйду, пока не расскажу...

– Что?! Что вы хотели сказать? Что мой сын в другом мире? Я, итак, это знаю...

– Сядь, – сказал он вдруг изменившимся и серьёзным тоном.

Я не смогла противиться этому властному приказу и опустилась на стул, продолжая держать в руках коробку с тортом.

Он тоже сел на кухонный стул и посмотрел на меня своими безумными глазами, в которых вдруг отразилась вся вселенская скорбь и печаль. Его лицо ожесточилось и словно изме-

нилось; скулы стали резче выступать; брови нахмурились и практически сошлись в единую линию; тонкие губы побледнели и, стало казаться, что он моментально постарел на целую вечность.

– Как с вами людьми тяжело работать, – прошептал он тихо.

– Кто вы? – спросила онемевшими губами и замерла. Из моего рта выскользнуло облачко пара, как бывает при морозе.

Я поняла, что температура в комнате резко упала. Обеденный стол в мгновение ока покрылся хрустящей изморозью...

Я поёжилась от холода.

Что происходит?

– Я ведь уже сказал, Аврора. Я, хранитель. А сейчас, в данный момент, я ТВОЙ хранитель. Мне сложно находиться в этом позаимствованном человеческом теле и сдерживать себя, чтобы ненароком не навредить ему. Поэтому давай я уже перейду к делу.

– Вы ангел-хранитель? – спросила, не понимая происходящего.

Так не бывает...

Или бывает? Неужели он сможет мне помочь и вернёт моего Пашеньку?

Кажется, что моё сердце сейчас разорвётся от волнения.

Коробка выпала из моих дрожащих и замёрзших рук, но вдруг застыла в воздухе, так и не коснувшись пола!

Незнакомец покачал недовольно головой, взял коробку и поставил её на стол. Развязал бант и поднял картонную крышку. Действительно, это был торт. Тот самый, который я люблю, «Киевский».

Мужчина, который назвал себя хранителем и смог заставить предмет застыть в воздухе, смотрел на торт каким-то очень грустным взглядом.

– Вы сказали, что перейдёте к делу... – вернула я его из странной задумчивости.

– Я не ангел-хранитель, Аврора. Эта ступень мне ещё недоступна, – произнёс он невпопад.

Потом поднял на меня свои глаза, снова рассмеялся и произнёс игриво:

– Налей нам по чашке чаю, мне так хочется попробовать человеческий торт, раз оказалась такая возможность!

Его быстрая смена настроения настораживала.

Потом он резко подскочил и, схватившись за голову, выбежал из кухни. Я даже понять ничего не успела, как он также быстро вернулся и протянул мне шерстяной плед.

– Тебе холодно, укройся. А то ещё заболешь.

И снова он стал серьёзным.

Мне было, мягко сказать, не по себе. То, что этот человек был необычным и странным, не сказать ничего. И человек ли он? Вроде бы, он обмолвился о позаимствованном теле... Только как это?

– Спасибо... – ответила неуверенно.

Я накинула плед на плечи и заварила чёрный чай. Мой кофе был безнадежно испорчен, и варить новый не было никакого желания.

Поставила перед незнакомцем чашку чая и разрешила торт. Тоже поставила перед ним тарелку с большим куском.

Сама я ничего не хотела. Вернулась на свой стул и положила замёрзшие руки на горячий фарфор.

Моё нетерпение начинало давать о себе знать; я стала стучать пальцами по кружке, дёргать ногой и провожать взглядом каждый съеденный хранителем кусок торта.

– Вкусно, – улыбнулся он, когда с тортом было покончено. – Ты молодец, терпеливо ждёшь. Всему своё время...

Было ощущение, что он говорит не только со мной, но и с самим собой. Он посмотрел на настенные часы и сам себе кивнул.

Посмотрел снова на меня, постучал указательным пальцем по подбородку и заговорил.

– Твой сын родился в другом мире, Аврора. И он очень важен для того мира. Мы беспокоимся о том, что мальчик может пойти не той дорогой, судя по зарождению и развитию его линии судьбы. Видишь ли, мы не ожидали, что его душа так быстро переродится и выберет не ту женщину... Он до сих пор связан с тобой, Аврора и от этого страдает. Нам важен его правильный выбор...

Он вдруг приложил к моему лбу, обжигаяще горячу ладонь, и перед моими глазами всплыло воспоминание. Я снова оказалась в той самой палате и смотрела на себя со стороны.

Боже... Я вернулась в свой кошмар.

– Не пачь, мама... Не пачь... – шептал уставший от болезни маленький Пашка.

А я лежала рядом с ним и судорожно вытирала слёзы, стараясь улыбаться, ведь я не хотела, чтобы мой мальчик видел горе на моём лице.

Мы лежали вместе в больничной палате – господи, уже которая палата! Я сбилась их считать.

Я гладила сына по тёмной пушистой шевелюре и целовала его в лоб, повторяя мысленно про себя: «Ты будешь жить мой маленький!», и поправляла одеяло. Эти слова я твердила миллион раз за день, каждый день, каждую неделю, отчаянно веря, что так и будет, зная, что материнское сердце, может всё, – даже спасти жизнь своему ребёнку, вырвать его из бессердечных лап болезни и смерти...

Воспоминание мгновенно сменилось другим. И я снова смотрю на себя со стороны. Меня колотит безумная дрожь. Мне снова плохо.

– Верни меня к нему! – кричу хранителю изо всех сил.

Я не хочу снова видеть его смерть, не хочу снова этот день переживать!

Не хочу!

Я держу своего сына на руках и через несколько минут его сердечко перестало биться, устав бороться. Я держала остывающее тельце в своих руках и вместе с ним замерзала моя душа, раскалывалось на миллионы осколков моё несчастное сердце.

Все кончилось, рухнуло, разбилось...

– Стоит в поле теремок. Бежит мимо мышка-норушка. Увидела теремок, остановилась и спрашивает:

– Терем-теремок! Кто в тереме живет? Никто не отзывается. Вошла мышка в теремок и стала там жить...

Я рассказывала ему сказку. Его любимую, про теремок, а по моим щекам лились слёзы, капающая крупными хрусталиками воды на моего сына...

Я смотрела на себя и зажимала уши руками. От этого крика мне хотелось снова умереть. Врачи забирали у меня сына, они не понимали, что его нельзя забирать...

– Зачем ты вернул меня в этот ад? – сквозь рыдания спрашиваю у безумного хранителя.

Вместо ответа, это страшное воспоминание сменилось другим.

– Нет... нет... – прошептала и приложила руки к губам, стараясь заглушить плач.

Я почувствовала, как воздух заканчивается в лёгких. Я плохо помню день похорон и сейчас жадно смотрю на происходящее. Моё сердце окончательно умирало...

В тот день я не особо понимала, что происходит на похоронах, ко мне подходили какие-то люди, соболезновали, рядом был мой отец, который полностью поседел за короткое время. Моя психика реагировала на всё с каким-то оцепенением, боль потери была настолько сильна, что организм, видимо включая какие-то спасительные и защитные механизмы, перестал реагировать на внешние раздражители. В тот день я как во сне смотрела, как в землю опускают маленький гробик, смотрела на своего плачущего отца, на знакомые лица и упала в обморок.

* * *

Аврора

– Теперь ты готова, – услышала я голос хранителя, словно сквозь толщу воды и почувствовала, как он убрал с моего лба горячую руку.

– Ты, демон... – прошептала сдавленным голосом. В моей груди застряли рыдания. – Ты, чудовище...

Мужчина печально вздохнул.

– Я не демон и не чудовище... Но ты должна была окончательно убедиться в смерти своего сына. Аврора, твоего Паши больше нет. Его земное воплощение прекратило существование. Его душа переродилась в другом мире. Ему сейчас два месяца и его родила другая женщина. У него другое имя. Но ваша с ним духовная связь осталась такой же крепкой и нерушимой, как и прежде. Ты осталась его матерью, а он твоим ребёнком, несмотря на то, что вы в разных мирах. Именно поэтому тебе предстоит выбрать. Или остаться здесь и прожить ту жизнь, которую тебе заложено прожить самой Судьбой – ты будешь спасать детей, Аврора. Именно ты поможешь многим отчаявшимся матерям и семьям искать нужных докторов, средства и даже слова утешения. Ты организуешь фонд помощи, и ты спасёшь тысячи детей. Таково твоё предназначение в этом мире. Или же, ты можешь уйти за сыном в другой мир, где тебе будет довольно трудно первое время. Я повторяю, этот мальчик очень важен для того мира. Если бы не связь с тобой, он бы жил так, как ему предначертано; он сделал бы тот выбор, на который мы рассчитываем. Но из-за вашей связи, его дорога судьбы раздвоилась и есть большая вероятность, что он пойдёт губительной для себя и мира дорогой. Он будет следовать за своими инстинктами и искать тебя, Аврора, но не найдёт. В своих идеях и поисках он наделает массу глупостей и ошибок. Если ты будешь рядом, то ваша связь сохранит его предназначение.

Я не верила своим ушам.

– Если всё правда, то как вы смеее играть нашими жизнями и судьбами, словно в куклы? И кто такие «Мы»?

– Твой разум не воспримет замысел мироздания, Аврора и не поймёт, – сказал и улыбнулся мне хранитель так, словно я была пятилетней девочкой. – Я, хранитель. Я тот, кто следит за равновесием во вверенных мне мирах. А о «других» тебе не стоит знать. Придёт время и однажды, ты сама всё увидишь, и поймёшь.

Я обняла себя руками, пытаюсь согреться.

– Я хочу к своему сыну, – сказала уверенно.

Хранитель широко улыбнулся и снова рассмеялся своим безумным смехом.

– Твой выбор сделан, Аврора! – он потёр друг о друга радостно ладони.

– А что будет с теми детьми, которых, судя по вашим словам, в будущем я должна была спасти? – не могла не задать этот вопрос.

Он равнодушно пожал одним плечом и также равнодушно ответил:

– Твоя судьба ляжет на плечи другой подходящей женщины. Этого не избежать.

Мне стало нехорошо. Я не хотела, чтобы кто-то испытал такую же боль и отчаяние!

И в то же время, я мечтала снова увидеть своего сына, хоть и в другом мире, и в другом теле – это уже не важно! Я отчаянно нуждалась в своём ребёнке. И пусть простит меня та несчастная, которой выпадет моя участь. Но я слишком слаба, чтобы отказаться от своего сына. И даже мысль о том, что он жив и здоров, хоть и в другом мире, не приносит мне утешения. Я хочу к нему, я не могу без него.

– Это жестоко, – прошептала я.

– Неисповедимы пути Всевышнего, – ответил снова серьёзным тоном хранитель.

– Когда я смогу его увидеть? Как это произойдёт?

– Тихо-тихо... Не спеши... – прервал меня хранитель и вынул из кармана маленький сосуд, напоминающий пробник с духами. – Выпей и ты окажешься в другом мире.

– Так просто? – я потянулась рукой за пробником.

Хранитель хмыкнул, покачал головой и отдернул руку.

– Просто? Ошибаешься, Аврора. Твоё тело распадётся на атомы, затем на электронное «облако», а оно, в свою очередь, сохраняя твою жизненную энергию, перенесётся в тот мир, куда я этой энергии укажу. К твоему сыну.

– Звучит не очень, но я согласна, – сказала твёрдо. Даже если это всё бред моего воспалённого сознания, и я всего лишь вижу сон, то тем более, попробовать стоит. Я не боюсь.

– Ты уже сделала свой выбор, Аврора, – произнёс хранитель. И его слова прозвучали как-то зловеще. – И ещё кое-что...

– Что? – напряглась от его слов.

– Ты ничего не будешь помнить о прошлой жизни, кроме одного – своего имени.

– Что?! – воскликнула я. – Но как же я узнаю своего сына? Вы обманули меня!

– Пей, – протянул он сосуд с прозрачной жидкостью. – Твои инстинкты и чувства сильнее, чем ты думаешь. И я же сказал, что ты окажешься рядом со своим сыном.

Последние его слова придали мне уверенности. Отвинтив миниатюрную крышечку, я опрокинула в себя содержимое, которое по вкусу оказалось похоже на настойку из горькой полыни.

И в то же мгновение, я ощутила, что перед глазами начали плясать разноцветные круги, голова резко закружилась...

Я хочу помнить себя и своего сына...

А дальше, я уже не ощущала, как моё сознание отключилось.

* * *

Хранитель

Аврора закрыла глаза и её тело обмякло. Я подхватил девушку и бережно перенёс её на диван.

Провёл ладонью в области её живота и от моих рук пошло едва заметное свечение, которое белесой дымкой окутало её тело и впиталось.

– Мой подарок тебе, – тихо прошептал. – У тебя будут ещё дети, Аврора.

Почакал головой. Люди такие странные существа, они так близко к сердцу принимают посланные им испытания; рвут себе душу в клочья; сходят с ума от горя; убивают себя... Как же они не понимают, что эти проверки нужны для их же блага, для их трансформации в лучшее, в прекрасное. Испытания укрепляют их дух и веру... Как жаль, что многие люди сдаются и прекращают верить, прежде всего, верить в себя и свои силы...

Я смотрел, как её тело вместе с душой «тают».

Буквально через мгновение она окажется рядом со своим ребёнком.

Я печально вздохнул, глядя на практически исчезнувшую девушку.

– У тебя непростая судьба, Аврора. Но я надеюсь, что в новом мире, ты раскроешь свою суть и там ты сможешь многим людям. Ты как тот кофе из притчи¹... Не зря душа мальчика отчаянно тянется к тебе. Я верю в тебя и в то, что ты преодолеешь все трудности.

Когда Аврора исчезла, я раскрыл ладони, из которых полился яркий белый свет. Этот свет растворил всё то, что было связано с ней. Все фотографии, записи, любые упоминания о девушке исчезали. Из памяти людей, с кем она общалась, тоже вся информация стиралась.

¹ Хранитель имеет в виду притчу о том, как по-разному реагируют люди на тяжёлые обстоятельства жизни. Вывод этой притчи, что существует три типа людей.

Авроры никогда не существовало на Земле.

* * *

Вот сама притча: «О яйце, моркови и кофе».

Однажды к мудрецу пришёл молодой ученик и пожаловался ему на свои трудности:

– Учитель, я так устал, у меня какая-то неправильная, тяжёлая-претяжёлая жизнь. Такое ощущение, что я всё время плыву против течения, поэтому у меня уже почти нет больше сил... Я устал... А ты – мудр. Скажи, что же мне делать?

Мудрец вместо рассуждений и объяснений совершил странный ритуал. Он подошёл к печи и поставил на огонь три одинаковых горшка с водой. В один горшок он бросил сырую морковь, в другой положил обыкновенное куриное яйцо, а в третий горшок насыпал молотый кофе...

Через некоторое время мудрец вынул из кипятка морковь. Затем – яйцо. А затем взял красивые чашки и налил в них ароматный кофе, сваренный в третьем горшке.

– Что изменилось, по-твоему? – спросил мудрец своего молодого ученика.

– Яйцо с морковью – сварилось... Ну а кофе, кофе просто растворился в воде, – ответил недоумённо юноша.

– Это правильный, но лишь поверхностный взгляд на вещи – так судят большинство людей, поэтому они никогда не бывают счастливы, усмехнулся мудрец.

– Я научу тебя смотреть на обыкновенные вещи и обыкновенные процессы, которые происходят с этими вещами, как на духовные метафоры, дающие ключ к пониманию природы вещей – усмехнулся он.

– Посмотри-ка на первую метафору. Когда-то твёрдая морковь, побывав в кипятке, стала вдруг мягкой и податливой. А вот – вторая метафора. Жидкое яйцо, побывав в кипятке, стало вдруг твёрдым.

Внешне они практически не изменились. Однако они – и морковь, и яйцо – изменили свою внутреннюю суть под воздействием одинаковых внешних неблагоприятных обстоятельств – кипящей воды. Разве не то же мы видим в жизни людей?

– Под воздействием беды внешне сильные люди могут раскиснуть, стать слабаками... Тогда как некоторые, про которых говорили: они слишком «хрупкие и нежные» для этой жизни, лишь затвердеют и окрепнут в невзгодах и трудностях...

– Ну а какую же метафору олицетворяет собой этот прекрасный кофе? – спросил юноша мудреца.

– О! Кофе – это самое интересное! Третья метафора – кофе. Как ты видишь, наш кофе полностью растворился в новой враждебной среде и, растворившись – изменил её. Кофе, смолотый в порошок, превратил какой-то безвкусный кипяток – в великолепный ароматный напиток. Есть третий тип людей, и это особые люди! Эти люди не изменяются в силу тяжёлых обстоятельств, которые агрессивно пытаются их подавить – нет! Они сами изменяют эти обстоятельства и превратят их в нечто новое и прекрасное...

– Кто ты? Морковь, которая стала мягкой и «варёной»? Яйцо, которое сварилось вкрутую – закалилось огнём? Или кофе, который «создал нечто новое и прекрасное», попав в тяжёлые обстоятельства или испытал нечеловеческое горе?

– Ты никогда не узнаешь этого, пока не перестанешь видеть в трудностях один только «негатив» и от этого – бояться и всячески избегать их. И горе нужно «принимать», а не отталкивать. Его нужно только «принять», а не лелеять. И жить дальше, став «новым» человеком.

Глава 6

* * *

Эрик

Я допивал второй стакан обжигающей жидкости и никак не пьянел. Голова продолжала оставаться ясной и мысли съедали меня.

Как жить дальше? Что делать?

Пока будет идти разбирательство о незаконности сделок Нила и о том, каким образом он завладел всеми финансами своих сотрудников, мне надо думать, как жить.

Компания прекратила свою деятельность на время расследования. Но проклятые конкуренты, учуяв запах жаренного, уже нацелились на лакомый кусочек. Они даже пообещали выплатить все потерянные деньги сотрудникам компании.

Ха-ха! Простым сотрудникам, тем, кто горбатился на Нила за мизерные зарплаты. О таких, как я речи и не шло.

Естественно, меня сейчас никто не возьмёт к себе партнёром из-за подмоченной репутации компании.

Нил! Как я тебя ненавижу! Ты столько жизней отправил в бездну! Сломал людские судьбы! Я даже посметь думать не мог о том, что ты можешь оказаться мошенником!

Когда я вернулся домой, то в первую очередь, нашёл всю свою наличность, которой оказалось не так уж и густо.

Поганец Нил, состряпал подложные договора, в которых я и другие люди передавали права на свои счета! И доверяли совершать любые сделки и операции с финансами! Как он это провернул?!

Следствию ясно как день, что все документы липовые с поддельными подписями. Но Нил успел заложить всё наше имущество в рисковую сделку и прогорел. Пока пройдёт проверка, пока найдут все фирмы, куда ушли все деньги...

Проклятье! Это может занять не один месяц и даже не один год, а что мне делать всё это время?

Услышал, как заплакал Артур.

Ещё и ребёнок мне на голову свалился...

Скорее бы наступило утро. Завтра придут оценивать мой аэромобиль. Мысль о продаже аэромобиля причиняла невыносимые душевные страдания. Но если я его не продам, то жить мне будет не на что.

Конечно, можно связаться с отцом, который сейчас находился в свадебном путешествии со своей новой третьей женой.

Или у матери помощи попросить...

При этих мыслях меня даже передёрнуло. Я никогда не был нужен своим родителям, а когда они развелись, они и вовсе забыли про меня, спихнув на воспитание деду, который и стал для меня и мамой, и папой.

В бездну их! Я мужик или сопля?

Подошёл к ребёнку и взял его на руки. Я уже понял, что Артуру нравится находиться на руках.

И сейчас, оказавшись на моих руках, он сразу перестал плакать.

Вздыхнул.

– Сейчас у нас настали не самые лучшие времена, но я обещаю тебе, что что-нибудь придумаю...

Ребёнок, заинтересованно смотрел на меня и смешно пускал слюни пузырями.

Я даже улыбнулся.

Вдруг, раздался стук в дверь.

– И кого там принесло? – задал вопрос в пространство, не сдерживая своё раздражение. За окном шёл сильный дождь, порывы ветра стремились вырвать с корнем деревья, свинцовые низкие тучи, казалось, вот-вот рухнут на землю.

Погода, мягко говоря, была так себе.

Положил Артура обратно в люльку и ребёнок сразу захныкал.

– Прости, парень, постараюсь скорее купить тебе нормальную кровать. И не плачь, я сейчас вернусь.

Стук в дверь повторился.

Распахнул дверь и очень удивился. В дверь стучал мой сосед, что жил напротив. Его звали Лонс. А на моём крыльце, в позе ребёнка, лежала женщина.

Что происходит?!

– Лонс, что случилось? Кто это?

– Это я у тебя хотел спросить, – пожал плечами сосед, сильнее натягивая на лицо непромокаемый капюшон плаща. – Вернулся с работы домой и случайно увидел лежащую у тебя на крыльце женщину. Твоя очередная подружка?

Я отбросил с лица девушки мокрые тёмные пряди и покачал головой.

– Нет, впервые её вижу.

– И что? Оставишь её лежать здесь? – удивился сосед.

Я проверил её пульс – жива. Слава Всевышнему. А то ещё труп мне не хватало. И вот вопрос, почему моё крыльцо? Почему она лежит не на крыльце моего соседа?!

– Может, отнесёшь её к себе? – с надеждой спросил Лонса. – У меня сейчас, итак, в жизни творится не пойми что...

– Нет-нет, – замотал головой сосед. – Меня жена сразу выгонит! Она лежит на твоём крыльце и значит, это твоя проблема... Ну всё, я пошёл...

И Лонс трусливо побежал прочь с моего двора.

Как мило! Похоже, мирозданье решило поиграть в «подкидывшей»?

Сначала хотел оставить женщину там, где она и лежала, вызвать службу поиска и пусть они сами с ней разбираются...

Проклятье! Если бы погода была не такой, то я бы так и сделал.

Подхватил девушку за руки, выше локтя и затащил в дом, оставив лежать в коридоре. От её сырой, очень странной одежды моментально образовалось мокрое пятно, размером с океан.

– Проклятье!

Ещё и Артур заревел так, словно наступил конец света!

Я бросился к ребёнку и достал его из люльки, но его плач так и не прекратился.

– Ну что ты всё орёшь? У тебя что-то болит? – спрашивал я у Артура, будто он мог ответить мне.

Проклятье! Нужно было купить детский сканер, который сразу выявляет и показывает, что беспокоит у ребёнка.

Какой сканер? – одёрнул я сам себя. У меня сейчас средств хватит только на одну-единственную заправку аэромобиля или на одну пачку детских салфеток.

О, Всевышний! Дети – это так дорого, особенно, когда ты банкрот.

Я качал ребёнка на руках, что-то приговаривал, стараясь его успокоить, пытался его накормить, но всё было бесполезно. Плач не прекращался.

Я начал ходить по дому с ребёнком на руках и думал, что сойду сейчас с ума.

Проходил мимо незнакомки и услышал, как девушка слабо застонала.

Она приложила руку к голове и поморщилась.

Я вернулся в комнату и положил плачущего ребёнка в люльку.

– Я не знаю, что тебе нужно, Артур, поэтому лежи и давай уже скорее успокаивайся! – прикрикнул немного на сына.

Почувствовал, как в моём правом виске запульсировала нарастающая боль.

Вдруг, Артур затих, только недовольно попискивал.

Оказывается, я безумно люблю тишину!

Вернулся к девушке, которая уже приняла сидячее положение, и зажала голову между колен.

Очевидно, дамочке было дурно. Может, перебрала лишнего и сейчас она испытывает не самое лучшее состояние своего организма? Только зачем она выбрала моё крыльцо для своего отдыха? Или её кто-то подкинул мне? Но почему выбрали меня?

Присел перед ней на корточки и недовольно спросил:

– Как ты оказалась на моём крыльце?

Девушка дёрнулась, подняла голову и с изумлением посмотрела на меня.

– Что? Я не понимаю... – она потёрла пальцами виски, жмурясь от боли и тихо произнесла: – Я не помню ничего...

– Приехали, называется. Что значит, не помнишь?! – повысил на неё голос.

Она посмотрела на меня как-то потерянно, оглядела себя, потрогала влажные волосы и обняла себя дрожащими руками, словно хотела согреться.

– Я не знаю... Я не помню...

– Прекрасно! Просто невероятно! – зло воскликнул я.

Вскочил на ноги, сдёрнул с дивана плед и кинул его девушке.

– Вытрись и завернись в него, быстрее согреешься, – буркнул я, чувствуя глухое раздражение, которое готово было вот-вот вырваться наружу и взорваться. И тогда я разнесу свой дом. Или соседский. А ещё лучше Лонсу морду набью.

Активировал свой смарт браслет.

– Соедини меня со службой поиска.

– Меня зовут Аврора, – вдруг услышал я тихий голос своей неожиданной гостьи.

– Ага, значит, память уже вернулась? – усмехнулся я.

– Вы связались со службой поиска... Что у вас? – услышал я из смарт браслета и ушёл в другую комнату, чтобы девушка не слышала мой разговор.

* * *

Аврора

Голова раскалывалась от боли. Боль. Просто тупая боль, охватившая всю мою несчастную голову. Эта боль ныла, плакала, скулила. Ей было невозможно болеть в одиночестве, она искала во мне ту, кто разделит с ней её участь. Но я не могла понять её... Не было отдельных мыслей. Просто несвязанные воспоминания и отдельные фразы врезались будто кто-то вколачивает в мою голову железные гвозди... Я не могла зацепиться за воспоминания... Они ускользали от меня, порождая невыносимую боль. И я прекратила пытаться понять что-либо из проносящихся образов в моём воспалённом сознании.

Я открыла глаза и увидела неизвестное мне помещение. Я лежала в луже воды. Сырое платье неприятно прилипло к телу, вызывая на моей коже дрожь и озноб. Захотелось снять с себя мокрую тряпку и залезть под горячие струи воды...

Села и положила голову на колени. Я почувствовала сильную тошноту. Что со мной произошло, и почему я ничего не помню?

– Как ты оказалась на моём крыльце? – услышала я мужской голос, который громом ворвался в моё сознание. Я дёрнулась, ощутив сильный приступ боли в затылке и медленно подняла голову.

Передо мной на корточках сидел привлекательный мужчина. Волевое лицо мужчины можно было бы назвать красивым, если бы его не исказила гримаса раздражения и неприязни.

– Что? Я не понимаю... – я потёрла пальцами виски, жмурясь от боли и призналась незнакомцу: – Я не помню ничего...

– Приехали, называется. Что значит, не помнишь?! – воскликнул он раздражённо.

Зачем же так орать? Я посмотрела на него. И осознание моей ситуации вызвало неприятный холодок в области позвоночника. Получается, что я нахожусь в доме этого мужчины. И я даже не знаю, куда мне идти...

– Я не знаю... Я не помню... – произнесла растерянно.

– Прекрасно! Просто невероятно! – снова воскликнул он. И в его голосе явно чувствовалось лютное недовольство.

Наверное, мне лучше отсюда уйти.

Вдруг, в меня прилетел тяжёлый плед, укрыв с головой.

– Вытрись и завернись в него, быстрее согреешься. – Произнёс мужчина чуть тише.

– Меня зовут Аврора, – сказала я и сама себе удивилась. Аврора? Да, это однозначно моё имя. А дальше? Кто я? Попыталась напрячь свой мозг и хоть что-то вспомнить, но я вновь почувствовала резкую головную боль, от которой у меня на мгновение потемнело в глазах.

– Ага, значит, память уже вернулась? – услышала я его насмешку.

Поднялась на ноги, чувствуя, как меня шатает. Когда мужчина ушёл из комнаты, я с удовольствием стянула с себя влажное платье и белье, укуталась в плед и... замерла. Я услышала плач.

Плакал ребёнок... Нет, ребёнок не просто плакал. Он звал! Звал меня! Как такое может быть?

Я направилась на плач, который вызывал трепет в моём сердце. И какого было моё удивление, когда я увидела в люльке прекрасного малыша. Какой же он кроха! И какой хорошенький! Только люлька явно была неудобной для ребёнка. Я плотнее завернула на себе плед, чтоб не свалился и, осторожно взяла ребёнка на руки.

– И кто тут у нас плачет? – прошептала я ребёнку, широко улыбаясь. – Разве может такой чудесный малыш плакать?

Я прижала кроху к груди, словно старалась защитить его от невзгод и тревог. Ладонкой коснулась редких тёмных волос, погладила их игриво, и ребёнок перестал плакать. Малыш мне даже улыбнулся!

– Ну вот, ушли все неприятности и огорчения, – прошептала я с улыбкой.

Я ощутила себя так, словно я мама этого очаровательного малыша и отвела печаль от него своей материнской рукой.

Я вдруг поняла, что знаю, как обращаться с ребёнком. Когда ребёночек грудной, он ведь иначе разговаривать не может. Его дискомфорт и выражается капризами и плачем; сначала адаптация к новой жизни, это и проблемы с животиком, и просто смена настроения, погода, иногда плохой сон, аппетит; потом это проявление характера, темперамента...

Я прониклась всем сердцем к этому малышу, словно он МОЙ...

Может, у меня тоже есть ребёнок? – со страхом подумала, и на мои глаза навернулись слёзы. Если это так, то мой ребёнок сейчас страдает.

Как и где мне узнать о себе?

Малыш протянул ко мне свою крошечную ручку и цепко ухватился за мои волосы.

Я, обрадовавшись, улыбаясь про себя, взяла эту кроху за кулачок. Почувствовала огромную радость, счастье, умиление и даже гордость от того, что я нравлюсь этому ребёнку.

- Ты такой красивый, – сказала я, касаясь своим носом его крошечного носика.
- Малыш в ответ мне улыбнулся, обнажив розовые дёсны.
- Я широко улыбнулась в ответ.
- Немедленно положи моего сына обратно! – услышала я яростный рык мужчины.

Глава 7

*Самое лучшее ожерелье для женщины – это руки ребёнка
обнимающие её шею...*

© *Хелен Роуленд*

* * *

Аврора

– Простите меня... Я не сделала ничего плохого ребёнку. Он плакал... Ему неудобно здесь лежать... – заблела я. От взгляда мужчины мне стало очень неуютно. Он смотрел на меня словно я противное и надоедливое насекомое, которое нужно, по-хорошему, раздавить, но отчего-то он не решался это сделать.

– Я. Сказал. Положи. Моего. Ребёнка. На место. Немедленно!

От его рыка я вздрогнула и вопреки приказу (а это был именно приказ), прижала малыша к себе ещё крепче.

– Не могу... – прошептала с отчаянием в голосе.

Я не знаю, почему, но взяв на руки эту кроху, уже не могла оторвать его от себя. Создалось ощущение, что я обрела свою душу и сердце. Как такое возможно?

Я не понимаю, что со мной происходит, но этого ребёнка не могу отпустить от себя. Не могу и не хочу.

Мужчина в мгновение ока оказался рядом со мной и натурально вырвал ребёнка из моих рук, вместе с пледом.

Я тут же прикрылась руками и свела вместе ноги. Оказаться полностью обнажённой перед мужчиной, которому ты неприятна, было безумно стыдно и не просто некомфортно, а ужасно! Я быстро присела и ухватила упавший плед, чтобы тут же укрыть своё тело от нахмурившегося взгляда этого человека. Судя по всему, моё тело вызвало у него ещё больше негатива и раздражения.

А ребёнок, тем временем, потеряв моё тепло и нежность рук, громко заплакал, задёргал ручками и ножками.

– Тише, тише... – растерянно произнёс мужчина и, оттолкнув меня плечом, положил ребёнка обратно в жуткую люльку.

Мне захотелось разрыдаться.

Плач малыша был мучительным и полным безысходности; то взлетал до невероятной высоты, то затихал на мгновение, чтобы снова усилиться в своих горьких переливах и всхлипываниях.

Мужчина стоял рядом и раскачивал люльку, надеясь, что таким образом, ребёнок успокоится.

Это было невыносимо.

– Простите... Я не знаю вашего имени... Но позвольте мне успокоить вашего... – я даже не успела закончить свою речь!

– Нет! – рявкнул он. – Уйди и жди в коридоре. За тобой скоро приедут. Мало ли кто ты такая. Может ты носитель неизлечимых болезней. Я уже жалею, что принёс тебя в свой дом...

Его слова вызвали протест в моей душе и молчаливый крик, который вторил крикам ребёнка.

– Пожалуйста... – всхлипнула. – Я не могу объяснить, но меня тянет к вашему сыну, будто... Будто он мой. Наверное, у меня тоже есть дети и я тоскую... Я не знаю, кто я, но уверена, что ничем не болею и уж точно не причину вреда вашему ребёнку!

Мужчина обернулся и скептически на меня взглянул.

– Ты его впервые видишь. Зачем тебе успокаивать чужого ребёнка?

Слова пришли сами собой. Я не знаю, откуда их взяла, но они сами сорвались с моего языка.

– Говорят, что когда дикие звери встречаются в лесу покинутого младенца, то они не только не убивают его, но стараются спасти его жизнь. Если это самка, то она кормит его своим молоком. Люди удивляются, что волки вскармливали брошенных детей, а волки, если бы знали, то удивились бы и ужаснулись, что люди убивают собственных младенцев.

Он мрачно на меня глянул и процедил:

– Как видишь, мой сын жив и здоров. И у него есть отец. Уходи, пока я окончательно не разозлился и не заявил на тебя в соответствующую службу, что ты пыталась навредить моему ребёнку.

Меня ошарашили его слова.

– Но это неправда! – воскликнула пылко. – Вы не знаете меня...

– Мне плевать на тебя. Если ты сейчас же не уберёшься в коридор, то немедленно окажешься на улице!

Я нехотя кивнула и поплелась в коридор.

Почему мне так больно?

По щекам полились слёзы, а душа распалась на части. Ребёнок вдруг стал мне так нужен, что воздуха в груди не хватало, и я задыхалась...

Села на диван в коридоре и я отчётливо слышала голос ребёнка. Он плачет, кричит и эти звуки складываются в зов. Он будто зовёт меня! Я закрыла уши руками, чтобы не слышать его голос! Что со мной случилось? Почему я чувствую себя так, словно меня вывернули наизнанку, перемололи все мои кости, а потом, с садистским удовольствием, собрали меня обратно?

В мои безрадостные мысли ворвался стук в дверь.

Наверное, это пришли за мной.

Я больше не увижу и не услышу этого малыша.

Эта мысль пронзила отравленной иглой моё сердце. Стало больно в груди...

Мужчина вышел из комнаты с кричащим ребёнком на руках и распахнул дверь.

Я лишь краем глаза увидела нескольких людей, одетых во всё чёрное, с непроницаемыми лицами. От таких людей на уровне инстинктов, хочется держаться подальше.

– Как хорошо, что вы приехали быстро, – произнёс мужчина, который совсем скоро передаст меня в руки этих «страшных» людей.

Я не хочу уходить отсюда. Не хочу...

* * *

Аврора

Глядя на этих жутких людей, я ощутила в себе ужасную пустоту.

– Мистер Варго, от вас поступила информация о найденной вами женщине, потерявшей память, – сухо произнёс один из мрачной тройцы.

– Всё верно, – кивнул мистер Варго. – Проходите.

Когда представители непонятной мне службы вошли в дом, я ощутила себя маленькой и совсем-совсем беззащитной.захотелось укрыться пледом с головой, и чтобы меня никто не увидел и не нашёл.

Ко мне подошёл мужчина, возвышаясь надо мной гигантской горой перекаченных мышц. Его безразличное выражение лица и пустые глаза рождали во мне панику. Язык словно прилип к нёбу. Я почувствовала животный страх и желание бежать отсюда, прихватив с собой малыша. Только я такого поступка никогда бы не совершила.

– Мисс, назовите ваше имя, – произнёс он приказным тоном.

Я взглянула на мистера Варго, пытаюсь в нём найти поддержку, так как кроме него из знакомых у меня сейчас никого не было. Но мужчина рассказывал о том, как нашёл меня, двум другим представителям какой-то там службы, а они записывали его показания.

– Я... – во рту было сухо и горько. Сглотнув вязкую и неприятную слюну, произнесла хрипло: – Я не знаю... не помню ничего о себе.

Я не стала называть своё имя этому страшному амбалу. Тем более, я помнила только имя, что меня зовут Аврора. И больше ничего.

Мужчина кивнул и вернулся к своим коллегам.

– Дэн, проверь её. – Кивнул он на меня.

Мужчина, названный Дэном, что-то вынул из металлического чемоданчика и, приблизившись к дивану, на который я взобралась вместе с ногами, присел на корточки напротив меня.

Моё сознание находилось в ужасе и фиксировало какие-то незначительные мелочи; я увидела, как лакированные туфли этого мужчины чуть сморщились у носков; идеально отглаженные чёрные брюки приподнялись у щиколоток, обнажив небольшую полоску его светлой кожи, покрытой тёмными волосками.

– Мисс, посмотрите на меня, – произнёс Дэн. В его глазах чётко проглядывалось любопытство. В отличие от его коллег, его лицо располагало к себе. От него не исходила опасность, как например, от первого, у которого мышц было больше, чем у всех остальных присутствующих мужчин, вместе взятых. И лицо было приятным и довольно симпатичным.

Я наблюдала, как он включил какую-то тонкую палочку, и её острый кончик загорелся голубоватым светом.

– Смотрите на этот луч и не моргайте. И прошу вас, не задерживайте дыхание, это будет совсем не больно. Не бойтесь, – успокоил он меня и даже улыбнулся кончиками своих полных губ.

Я сделала, как мне сказали.

Действительно, не больно.

Голубой луч на мгновение ослепил меня, но стоило ему исчезнуть, как зрение тут же вернулось.

– Сотрясения нет, – заключил Дэн, поднимаясь. – Мисс, у вас имеются ушибы, ссадины, порезы или синяки?

Я замотала головой.

Мужчина кивнул и вернулся к коллегам.

– У девушки что-то было при себе? – поинтересовался он у мистера Варго.

– Она была одета только в то платье, что валяется на полу, – ответил он и указал пальцем на мокрую тряпочку невнятного бурого цвета.

Дэн вынул из чемоданчика белый пакет и щипцы. Надел чёрные перчатки.

Приблизился к моему мокрому одеянию и приподнял платье щипцами, ворочая его в разные стороны, и в задумчивости поместил его в пакет.

Мне было очень неприятно от его манипуляций, словно я объект, представляющий опасность.

– Необычный состав ткани. Такое даже в музеях уже не найти, – произнёс Дэн, убирая пакет обратно в чемодан, а за ним щипцы и перчатки.

– Мистер Варго, благодарим вас за содействие и помощь попавшему в беду человеку. Распишитесь здесь и здесь, – произнёс третий тип в чёрном.

– Мисс, мы забираем вас с собой для обследования и выявления вашей личности, а также поиска родственников, – «обрадовал» меня Дэн.

Я слотнула. Ответить мне было нечего. Но так не хотелось отсюда уходить!

Дэн положил руку мне на плечо. Я вздрогнула от неожиданности, и он тут же убрал руку.

– Мистер Варго, – обратился Дэн к моему «спасителю». – Доброй ночи. Если у нас будут к вам вопросы, мы свяжемся с вами.

– Надеюсь, не будет, – мрачно заметил Варго.

– Вы можете идти самостоятельно? – сухо поинтересовалась у меня гора мышц.

На глаза набежали слёзы, я неотрывно смотрела на мистера Варго, пытаюсь своим громким молчанием и взглядом выразить своё отчаяние.

Но он опускал глаза и старался не смотреть на меня.

– Я могу идти сама, – прошептала я будто не своим голосом.

Мужчины, увидев, что я босиком, выделили мне из того же чемоданчика резиновые чехлы для ног.

Они меня окружили и увели из дома, где жил ребёнок, которого я, кажется, полюбила всем своим сердцем и душой, увидев его впервые в жизни. Никогда не забуду его синие глаза и улыбку, которые на несколько минут сделали меня самой счастливой.

Шёл дождь, но я будто не ощущала холодной воды. Страх и неизвестность сковали моё тело в глыбу льда.

Я обернулась в последний раз и увидела хмурое лицо мистера Варго. Наши взгляды встретились, и мне отчаянно захотелось закричать «Не отдавайте меня им! Умоляю!» но я молчала и покорно шла под конвоем, будто овца на заклание.

Меня посадили в странную и необычную штуку, которую в другой ситуации я бы с удовольствием разглядела, а сейчас мне было всё равно. Я сосредоточилась на своих ощущениях. Мне было больно. Не физически, нет. Болела душа. Невыносимо болела, что хотелось просто исчезнуть и оказаться в пустоте, где нет никого и ничего, а главное, нет никаких чувств.

– Мисс, не плачьте, – обратился ко мне Дэн. – Скоро мы найдём ваших родных и узнаем, кто же вы на самом деле. И вы больше не будете под статусом потеряшки.

Я слабо улыбнулась и согласно кивнула в ответ на его слова.

* * *

Эрик

Женщина смотрела на меня, уходя. Её взгляд задержался на пару секунд дольше необходимого, и я почувствовал, как ускорился мой пульс.

Проклятье! – выругался про себя, наблюдая, как все четыре фигуры скрылись в аэромобиле. – Вот только чувства сожаления мне сейчас не хватало. Не понимаю, почему она смотрела на меня так, будто я отдал её не сотрудникам службы поиска, а по меньшей мере, службе исполнения наказания. Столько отчаяния и боли было вложено в этот взгляд, что мне стало не по себе.

Вернувшись в дом, я сразу направился к Артуру. Ребёнок спал, но по нахмурившемуся детскому лицу, можно было подумать, что ему снился не очень приятный сон.

Вздыхнул и решил сам лечь спать. Завтра у меня будет трудный день.

Поставил люльку с сыном рядом со своей кроватью.

Едва моя голова коснулась подушки, я моментально провалился в тревожный сон.

Глава 8

Ум – око души, но не сила её; сила души – в сердце.

© *Вовенарг*

* * *

Аврора

– Вы уверены, что вас зовут Аврора? – в третий раз поинтересовался молодой учёный, который несколько раз брал у меня кровь, сканировал меня в капсуле и постоянно восклицал «удивительно!» и «не может быть!»

Что было удивительного, я не знала. Мне не нравилось здесь. Место, куда меня привезли, оказалось не просто службой поиска, но ещё и огромной лабораторией с исследовательским центром. Об этом мне рассказал по пути Дэн.

Увиденное меня потрясло. Куполообразные корпуса здания с плавными линиями соединялись между собой на разных уровнях переходами и платформами. Создавалось ощущение, что я такое никогда в своей жизни не видела.

Всё здание было белым. Оно было одного оттенка белого и настолько яркого, что цвет резал глаза. В стены были встроены сенсорные датчики управления, которые активировались сотрудниками чипами, вживлённым им в запястье. Датчики открывали-закрывали двери, выводили голографические панели с нужной информацией...

Кстати, белое здание внутри и снаружи резко контрастировало с людьми, которые были одеты во всё чёрное.

Странно всё это.

И вот, я лежу на мягкой кушетке, которая приняла форму моего тела и молодой мужчина мучает меня вопросами о моей памяти, почему я помню только своё имя и больше ничего, и одновременно берёт мою кровь на анализ.

Когда это уже кончится? И что будет дальше? Я узнаю, кто я? А как же тот малыш?

Малыш так горько плакал... Но когда я взяла его на руки, кроха улыбнулся мне. Создалось ощущение, что все его печали ушли...

– Мисс Аврора, мне срочно нужно доложить о ваших данных начальству...

Молодой учёный был чем-то взбудоражен и взволнован.

– Льюис, присмотри за ней!

– Аврора, ни о чём не беспокойтесь...

– Хорошо, – сказала я недоумённо уже закрытой двери. Льюис поиграл бровями и вернулся к своей работе.

* * *

– Мистер Фэйт, мы проверили девушку несколько раз по всем базам крови, даже по старой версии прошлись. На неё нет ничего! Абсолютно никаких данных! – всплеснул руками молодой мужчина.

– Ну а родные? – хмуро поинтересовался глава службы поиска. И на его лице застыло фирменное проникновенно-сочувственное выражение, то самое, что помогло ему остаться на посту службы на второй срок.

Молодой учёный развёл руками.

– И родственников тоже. Вообще ничего. Её будто не существует!

Абрам Фэйт покачал головой и побарабанил пальцами по белому лакированному столу.

– Такого быть не может. Все люди поставлены на учёт. Все. И я не поверю, что даже дальнего родственника у девушки нет. Откуда-то же она взялась. Не упала ведь с неба. Значит, программа дала сбой. Проверьте ещё раз.

– Но это так, мистер Фэйт. И программа не дала сбой. Мы её обновили. Но ничего не изменилось. Но и это ещё не всё. Мы проверили её организм и сделали обширный анализ крови...

Учёный замолчал, подыскивая слова, чтобы сообщить главе службы не очень хорошую новость.

– Ну?

– У девушки транспозиция внутренних органов и... у неё двойная нить ДНК, – выпалил мужчина.

– Можешь сказать доступным языком? – начал злиться Абрам.

– Простите... У девушки все внутренние органы расположены зеркально. То есть, сердце слева, печень справа и так далее. Она отличается от нас. Множественная патология нетипична нам. И ещё ДНК. Двойная спираль была у людей миллионы лет назад. Мы постепенно мутировали и наш организм стал крепче, возможности шире... Наша тройная спираль очень схожа с её ДНК. Девушка слабее нас. Если она попадёт, допустим, в аварию и у неё оторвёт руку или ногу, организм не сможет воспроизвести утраченную конечность. Даже в элементарном: потеряй она зуб, новый не вырастет!

– Я не понимаю. Как такое возможно? Откуда она взялась? – удивился Абрам и вздохнул. – И надо было всему этому случиться именно тогда, когда мне до заслуженного отдыха осталось три года...

– Я сам в полном недоумении.

– Она опасна? Её нужно изолировать?

– Нет, нет... В её организме отсутствуют вирусы, она ничем не больна. Единственное, это её лёгкие. Такое ощущение, что она провела всю свою жизнь в яме, наполненной ядовитыми газами. Как она осталась до сих пор жива, неизвестно.

Абрам задумчиво почесал подбородок.

– Предлагаю показать её всем нашим специалистам, подлечите её по максимуму. Никому не докладывайте о том, что сейчас рассказали мне. Никто не должен знать, вам понятно?

– Да, мистер Фэйт. Мне всё ясно.

– После полного обследования, соберём совет и решим, что делать дальше с девушкой. Надеюсь, к тому времени, к ней вернётся память...

* * *

Аврора

Меня поселили в такую же белую безликую комнату, как и всё здание.

– Я – преступница? – задала вопрос тем, кто вёл меня так, словно я самое опасное существо на всём белом свете.

– Нет, вы не преступница. Мы вас поместим в этой палате. Только на время обследования, – сухо ответил мне пожилой мужчина в чёрной форме.

Его ответ меня не обрадовал.

– Как надолго? – спросила я с надеждой, что это займёт несколько часов...

– Пока не могу сказать...

Не знаю, сколько нахожусь в этой белой тюрьме. А как ещё можно назвать это помещение, как не тюрьма.

Дни слились для меня в однообразный калейдоскоп. Утром у меня берут кровь, дают сбалансированный безвкусный завтрак, потом ко мне приходит мозгоправ и рассуждает на темы бытия... Я ему не отвечаю. Я погружаюсь в себя, в свои воспоминания.

Никому не расскажу о том, что я знаю.

Я всё вспомнила. Память вернулась. Чёртов хранитель отправил меня в другой мир к моему сыну! Но он бросил меня в этот мир словно слепого щенка в океан!

Как мне выбраться отсюда? Как сбежать, что сказать, чтобы меня отпустили? Их база крови не находит меня. Но они не знают, что я совершенно с другого мира.

Я исследовала каждый миллиметр этой проклятой комнаты. Но ни одного стыка между стенами и полом я не нашла, ни одного шва. Всё было единым.

Даже не было окна, чтобы увидеть небо...

Но я не собиралась сдаваться и подышать здесь! Где-то совсем недалеко меня ждёт мой ребёнок! Мой маленький ангелочек!

Вспомнила его отца...

Этот кретин ни черта не знает, как обращаться с младенцами! Хоть бы он не навредил моему крохе...

Моё сердце тянется к моему малышу и это рождает невыносимую Боль...

Это состояние, ощущение, которое присутствует, живёт в моём сознании с самого момента возвращения памяти. Боль то усиливается, то слегка утихает.

Эта боль живёт во мне, пронзая сердце, щемит душу и накрывает меня с головой волной, а иногда – заглывает целиком в те моменты, когда меня настигает невыносимое отчаяние. И тогда мне становится очень страшно... А что, если меня отсюда никогда не выпустят? Знать, что твой ребёнок рядом, и не иметь возможности видеть его, трогать, целовать, обнимать и прижимать крохотное тельце к своей груди – это невозможное состояние иногда рождает во мне ярость и отчаяние. Но я не кричу. Я сжимаю зубы в тиски и тихо плачу. В такие минуты я вспоминаю свою маму и молю Всевышнего.

Моя память вернулась в тот самый момент, когда я проходила очередное сканирование и вопреки сказанному учёным, чтобы я не открывала глаза – я их открыла. Неоновый свет фиолетовой вспышкой ослепил меня, но я продолжала смотреть...

И память обрушилась на меня так, словно тонны воды обрушили плотину. Я потеряла сознание и когда меня привели в чувство, я испугалась, но не призналась. Я боюсь даже представить, что со мной они сделают, если я расскажу правду.

Для всех, я потеряла память и пусть так и останется. Аврора Безымянная. Так меня называют сотрудники службы поиска между собой. Мне всё равно. Пусть меня зовут, как хотят.

И теперь я живу в этой стерильной белоснежной тюрьме, чувствуя невыносимую душевную боль, что живёт в моей душе и её невозможно усмирить уколom или сканером. Она всегда со мной. И она будет жить во мне, пока я снова не возьму на руки своего сыночка.

Но я не прогоняю свою боль. Пусть живёт. Именно моя душевная боль не даёт сойти мне с ума. Она заставляет меня верить и надеяться, что очень скоро, я снова увижу своего сына.

Я вспоминаю его глазки и улыбку. Он такой у меня красивый. И его лицо... Он родился в этом мире таким же, каким и был. Он мой мальчик, он моя кровиночка и я обязательно с ним встречусь. Я верю в это.

Потерпи ещё чуть-чуть моё солнышко... Скоро я вернусь к тебе. Не знаю, как, но вернусь, обещаю.

Глава 9

Человек он умный, но чтоб умно поступать – одного ума мало.
Фёдор Достоевский

* * *

– Мистер Фэйт, готовы результаты обследования Авроры.

Перед главой службы поиска подчинённый положил подробный отчёт обследования девушки, у которой обнаружилось столько непонятных и необъяснимых патологий, не свойственных нынешнему поколению человечества, что все сотрудники, знающие эту информацию, только диву давались.

Абрам пролистнул несколько страниц отчёта, особо в него не вчитываясь. Он, итак, уже знал о девушке всё, что собрали на неё учёные.

– У меня создаётся впечатление, будто её подкинули к нам из прошлого или вообще, из другого мира. Как может быть у человека такая странная патология, как зеркальное расположение абсолютно всех внутренних органов и двойная ДНК?

Молодой мужчина покачал головой и пожал плечами.

– Нет ответа на данный вопрос, мистер Фэйт.

Абрам тяжело вздохнул. Ему было о чём беспокоиться. Несколько минут назад от него вышел менталист и его прогнозы насчёт психического состояния Авроры не обрадовали главу службы. Её срочно нужно было выпускать из «заточения» в общество.

– Вы излечили её лёгкие?

– Да, мистер Фэйт. Её лёгкие теперь полностью чисты. Также мы скорректировали зрение Авроры. Оно было ниже идеального. Ещё, мы излечили её от некоторых специфичных хронических заболеваний. Помимо этого, повысили её ослабленный иммунитет. В целом, сейчас здоровье Авроры в пределах нормы. И ещё... мы с коллегами кое-что хотим вам предложить.

– Говори, – разрешил Абрам.

– Мы хотим провести эксперимент и воссоздать по данным девушки виртуальную Аврору, чтобы при помощи образцов её крови, изменить её ДНК и приблизить максимально к нашей ДНК. А также попробовать усовершенствовать её. Её геномы уникальны тем, что многие находятся в спящем либо заблокированном состоянии. Нам интересно, что будет, если их пробудить и постепенно начать перестройку её спирали. Мы могли бы подробно изучить её структуру. Пока рано говорить о чём-то, но некоторые гены Авроры находятся в заблокированном состоянии не просто так, словно кто-то специально ограничил возможности её организма.

Абрам заинтересованно погладил свой подбородок.

– А что потом?

– Потом мы проведём испытания на лабораторных крысах и посмотрим, что получится. Если всё пойдёт так, как мы запланировали, то можно будет уже начать работать с самой Авророй. Признаюсь честно, это длительный и трудоёмкий процесс, и всю перестройку цепей ДНК нужно будет проводить поэтапно, но я думаю, результат будет того стоить. Когда мы пробудим все её гены, которые по нашим догадкам уникальны и некоторые превосходят наши, и вплетём в её спираль нашу дополнительную цепь, то получим человека нового поколения!

– Вы в этом уверены? А если что-то пойдёт не так?

Учёный пожал плечами.

– У Авроры нет родственников. Она ничего не помнит. Я думаю, что она была послана нам Всевышним для того, чтобы мы могли усовершенствовать себя! Конечно же, мы будем делать всё возможное и невозможное, чтобы исключить хоть малейшую ошибку.

– Не нужно пафоса Коул. Аврора, так или иначе, человек, а не подопытная мышь.

Абрам задумался.

– Раз её организм сейчас в полном порядке, она ничем не больна и не опасна для общества, то не вижу смысла удерживать её у нас и дальше.

Молодой мужчина недовольно поджал губы и спросил:

– А как же наш эксперимент? Нельзя упускать такую возможность...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.